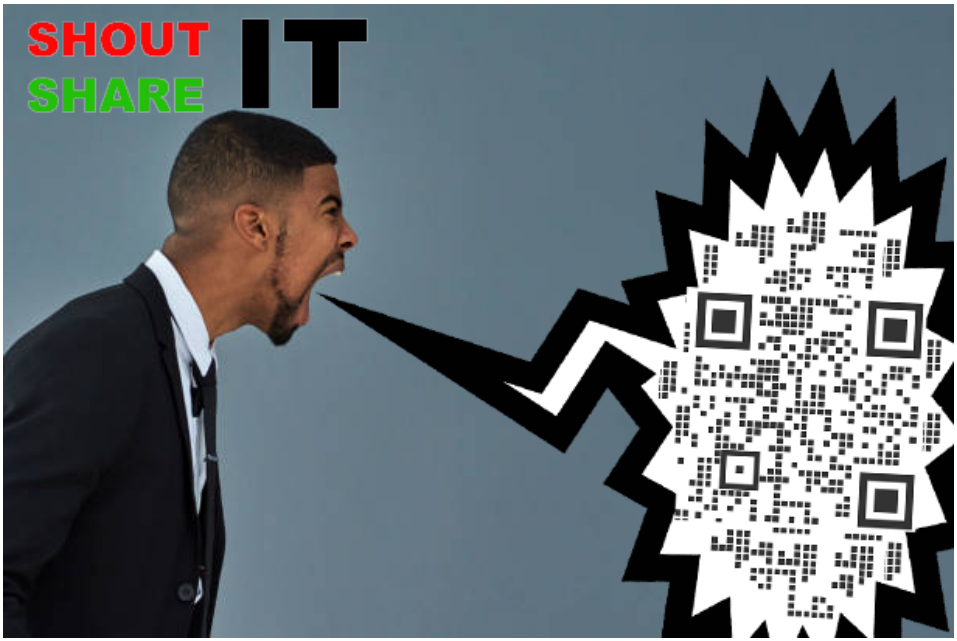
ЭЛИЗАБЕТ ТЕЙЛОР

КЛЕОПАТРА ГОЛЛИВУДА


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Элизабет Тейлор – истинная «королева Голливуда» периода его расцвета, трижды удостоенная премии «Оскар». Не меньше, чем ее актерские работы, привлекали внимание публики обстоятельства личной жизни Тейлор, ведь красавица выходила замуж восемь раз!

Гонорар Тейлор за роль Клеопатры в одноименном фильме 1961 года составил невероятную по тем временам цифру – миллион долларов! С тех пор «глаза Клеопатры» с яркой черной подводкой, как у Тейлор, «носят» модницы всего мира. А сама «Клеопатра Голливуда» вышла замуж за Марка Антония – актера Ричарда Бертона. Затем были другие мужчины, другие связи, а с ними – алкоголь, наркотики и болезни (известно, что у актрисы находили опухоль мозга и рак кожи, но она смогла преодолеть и эти испытания).

Последним настоящим другом актрисы был Майкл Джексон; узнав о трагической гибели певца, Элизабет Тейлор попала в больницу с сильнейшим стрессом. «Со временем начинаешь сожалеть о всех совершенных тобою грехах, и еще о нескольких, которых не совершила», – призналась как-то великая Тейлор, не боявшаяся раскрывать друзьям и недругам все тайны своей бурной жизни.

- Софья Бенуа
  - ○
  - ○
  - ○ Вместо предисловия. Кинодива по канонам красоты
  - ○ Глава I. Куколка с фиалковыми глазами
    - ■ Детство Элизабет
    - ■ По стопам матери
  - ○ Глава II. Голливудская дебютантка
    - ■ Первые лавры
  - ○ Глава III. Послушная малютка
    - ■ Спортивный герой
    - ■ Наследник миллионов
    - ■ Самый богатый человек Америки
  - ○ Глава IV. Девушка с обложки
    - ■ Первая свадьба Лиз
  - ○ Глава V. Птичка на свободе
    - ■ Прожигательница жизни
    - ■ Абсолютный джентльмен
    - ■ Революция в Голливуде

- Глава VI. Самолет «Счастливая Лиз»
  - Убедительна и прекрасна
  - Пятидесятилетний сумасброд
- Глава VII. Жизнь продолжается!
  - Лучший друг
  - Элишева Рахель
- Глава VIII. В зените славы и любви
  - Поцелуй Клеопатры
  - Скандальная парочка
- Глава IX. Размеренная жизнь
  - Добропорядочность и скука
  - Последний брак

Софья Бенуа
Элизабет Тейлор. Клеопатра Голливуда

© Бенуа С., 2014
© ООО «Издательство «Алгоритм», 2014

* * *

Я одобряю далеко не все поступки, которые совершила, кем была или являюсь сейчас. Но я такая, какая есть. Бог свидетель, я – это я.

Элизабет Тейлор

Вместо предисловия. Кинодива по канонам красоты

Чтобы стать легендой, нужно сначала умереть.

Элизабет Тейлор

Незадолго до финала своей яркой, играющей красками и переливами событий жизни, Лиз Тейлор (прекрасная даже в преклонном возрасте), говорила:

– Вы не дождетесь от меня заявления, что я уже не выйду замуж еще раз.

Так получилось, что ее личная жизнь была чередой браков: длинных и коротких, скандальных и пасторальных, порой весьма странных, но неизменно привлекавших внимание мировой общественности. Последняя звезда старого Голливуда Элизабет Тейлор, по словам тех, кто ее знал при жизни, обладала небывалым по силе сексуальным магнетизмом кинодивы. И эта сила с годами не иссякала, а напротив, крепла. 74-летний российский актер Леонид Неведомский, ставший партнером Лиз на съемочной площадке первого советско-американского фильма «Синяя птица» (Тейлор и Неведомский играли супружескую пару), рассказывает:

– Тейлор была уникальным человеком по своему обаянию и красоте. Когда она шла по коридорам «Ленфилъма» в сопровождении своей свиты, все сотрудники и актеры тихонько выглядывали из закутков студии, чтобы проследить за ней. Все-таки звезду такого уровня не каждому дано увидеть рядом с собой, на расстоянии вытянутой руки. Мы пытались уловить каждый жест, поворот головы, поймать брошенное вскользь слово… Она была настоящей королевой! Всегда корректная, доброжелательная. И очень хороший профессионал. Общих съемочных дней у нас с ней было всего семь. Снимали практически все сцены с одного дубля. Съемки проходили в Ленинграде и Москве…В душе я конечно же был от нее без ума! Просто невозможно было

устоять от ее красоты! Но в реальности кто бы мне позволил вольности с иностранкой?

Какой женой была женщина, которая сорок лет устанавливала американские (да и, пожалуй, мировые) каноны красоты и будоражила миллионы умов своей удивительной жизнью? Кем были люди, с которыми она эту жизнь связала, которым родила детей и с которыми делила свой быт? Будучи уже в возрасте, Тейлор признавалась:

– Родители внушили мне уважение к браку, поэтому я всякий раз выходила замуж. А теперь меня называют блудницей. Я спала только с теми, за кем была замужем. Много ли женщин могут похвастаться тем же?

Каждое замужество, независимо от его продолжительности – это целая новая жизнь. Лиз прожила семь таких жизней, в суммарном финале которых она сама сочинила себе эпитафию:

«Здесь покоится Элизабет Тейлор.
Спасибо за каждое мгновение».

Глава I. Куколка с фиалковыми глазами

Детство Элизабет

Мое самое первое воспоминание связно с болью.

Элизабет Тейлор

Слякотным и теплым днем 27 февраля 1932 года в Хэмпстеде (северо-западном пригороде Лондона, застроенном шикарными особняками богатой аристократии) родилась необычная девочка, о которой позже вспоминали близкие:

> *– Когда новорожденная открыла глаза, они заблестели фиолетовым: как два аметиста в глубине колыбели.*

Господь наделил малышку кукольной внешностью, яркими фиалковыми глазами и густыми ресницами в два ряда (результат редкой мутации). Впрочем, другие источники утверждают, что красота снизошла на девочку несколько позже. А уродливый младенец, неприятно орущий из свертка, который сестры вложили в руки измученной родами матери, вызывал у той чуть ли не отвращение. Припухшие веки превращали глаза новорожденной в узкие щелочки, которые оставались такими еще пару недель (необычных фиолетовых глаз было не разглядеть). Само личико было сморщенным и красным, покрытым черным пушком-лануго: ни дать, не взять – зверек или какой-нибудь горный тролль… Мать растерянно сравнивала новорожденную дурнушку Элизабет с красивым, светленьким, пухлощеким мальчиком, похожим на боттичеллевского Амура (именно так выглядел ее первый ребенок, сын Говард, родившийся на пару лет раньше). Однако ее страхи были напрасными: прошло совсем немного времени, как маленькая Лиз оправилась, превратившись в миленькую куколку с правильными чертами лица, вздернутым носиком и большими, выразительными глазами цвета аметиста, обрамленными пушистыми ресницами в два ряда…

Хэмпстед – северо-западный пригород Лондона

Ее родители, американцы из Канзаса, перебрались в Великобританию, где отец, Френсис Ленн Тейлор, ирландец по крови, руководил художественной галереей своего родного дяди, мультимиллионера Говарда Янга (известного также аналогичной художественной галерей в Нью-Йорке). Мать девочки, Сара Виола Вомбродт, дочь иммигрантов из Германии, играла в театре под псевдонимом Сара Созерн.

Элизабет Роузмонд Тейлор (так назвали малышку, получившую второе имя в честь ирландской бабушки) с раннего детства приобщилась к богемной жизни: с трех лет она брала уроки балета, помогала отцу в его художественной галерее, занималась с матерью актерским мастерством. Одно из первых воспоминаний Лиз – о том, как ее, трехлетнюю, родители вывели в свет: на серебряный юбилей Георга V. Девочка важно прогуливалась с отцом в толпе придворных: тщательно уложенные смоляные локоны, шикарное, совсем взрослое парижское платье из матовой органзы, модные туфельки на каблучке… Френсис показывает ей королевских фрейлин, но Лиз не до них, она с восторгом перебивает отца:

– Посмотри, папа, посмотри, какая лошадь у короля!

Актриса Сара Виола с маленькой Элизабет

Перед самым началом Второй мировой войны семья Тейлор решила вернуться в Соединенные Штаты во избежание опасности. В Америке у маленькой Лиз Тейлор началась новая жизнь: ее мать, так и не сумев выбиться из категории провинциальных актрис, в конце концов решила сосредоточиться на звездной карьере дочери. Сара не жалела времени, обучая Элизабет хорошим манерам, сценической речи, игре на фортепиано и натаскивая ее для кинопроб. Отца девочки несколько смущала и

тревожила чрезмерная активность жены, однако он не вмешивался, зная, что Сару невозможно остановить или переубедить.

Американская журналистка и биограф знаменитостей Китти Келли, рассказывая о детстве Элизабет Тейлор, пишет:

> *«Подобно любой другой даме довоенных лет с веером из лебяжьего пуха, Сара Тейлор прекрасно умела прятать свои честолюбивые устремления за нежным, обманчивым фасадом. Эта небольшого роста женщина умела говорить столь вкрадчиво, что ее голос, казалось, источал мед. Своего супруга она называла «папочка», дочь – «мой ангел», сына – «мой милый ягненочек», а все остальные были для нее просто «дорогушами». Миссис Тейлор понимала всю важность знакомств и неизменно стремилась к тому, чтобы быть в нужное время в нужном месте. Свое редкостное умение правильно выбрать нужный момент она продемонстрировала, появившись на ведущей киностудии мира именно тогда, когда там безраздельно царствовали дети-кинозвезды…*
>
> *…Сара, к собственному удовольствию, окунулась в волнующую атмосферу фабрики грез. Уже к рождеству голливудская мишура совершенно вскружила ей голову. Как и многие поколения золотоискателей до нее, Сара воспринимала Южную Калифорнию, как некую золотую жилу, которую следует разрабатывать до самого дна: тогда обретешь богатство. Миссис Тейлор с завидной энергией взялась завязывать полезные знакомства, с любым, кто был достаточно знаменит или богат, чтобы иметь отношение к кинобизнесу или же приобретать кинокартины у ее мужа. Сара повсюду брала с собой свою семилетнюю дочь. И с торжествующим видом наблюдала, как все вокруг ахали от восхищения впервые увидев ее Элизабет. Эти изумленные возгласы раздавались всякий раз, когда взгляду окружающих представало нежное, словно фарфоровое личико в обрамлении иссиня-черных локонов. Самой притягательной чертой этого безупречного детского личика были выразительные, синие, цвета сапфира, глаза, оттененные длинными черными ресницами. Эти глаза отличались такой насыщенной синевой, что при определенном освещении казались фиолетовыми. За первым изумленным вздохом обычно следовали восклицания:*

– Чудо, а не ребенок!

– Ах, до чего же она хорошенькая!

– Ну просто куколка!

Сара отвечала собеседнику горделивой улыбкой и поглядывала на дочь: «Скажи спасибо, мой ангел», – ворковала она. И крошка Элизабет с улыбкой отвечала «спасибо» и делала книксен так, как учила ее мать. Получалась весьма трогательная сцена, рассчитанная на то, чтобы произвести впечатление…».

Господь наделил малышку кукольной внешностью

Разумеется, у прекрасной Лиз, ведомой пробивной мамашей, были шансы попасть в число юных звезд, царствующих в Голливуде. Однако стремление вращаться в аристократических и звездных кругах стоило Саре неимоверных усилий хотя бы потому, что их семья была вовсе не богата (как могло показаться при поверхностном знакомстве с Тейлорами). Доходов Френсиса (особенно в годы войны, когда предметы искусства практически не покупались) еще хватало на то, чтобы жить, снимая квартиру в приличном по меркам Сары месте, однако на престижные частные школы для Говарда и Элизабет уже, увы, не было средств. Однако Сара изыскала возможность для того, чтобы ее Лиз смогла посещать уроки хореографии вместе с девочками из богатых и знаменитых семей. Некоторое время спустя наработанные связи позволили деятельной мамаше пристроить дочь в частное учебное заведение: в конце концов Элизабет поступила в престижную Байроновскую школу, где учились дети звезд кино, медийных и кинематографических магнатов.

Маленькая Лиз и ее старший брат Говард со счастливой мамой

В девятилетием возрасте Лиз выглядела старше своих лет: утонченная внешность и мелодичный голос делали ее похожей на сказочную принцессу. Однако одной лишь привлекательной

внешности и уроков актерского мастерства, которые брала девочка, было явно недостаточно для Большого Успеха. Так справедливо считала предприимчивая Сара, которая пошла на рискованный шаг: она придумала новую английскую биографию дочери, в расчете на то, что никто не будет проверять правдивость фактов. Согласно материнской легенде, Элизабет училась в балетной школе с английскими принцессами Елизаветой и Маргарет, была лично представлена Ее Величеству и увлекалась конным спортом вместе с английским бомондом. Китти Келли рассказывает о том, как Сара завоевывала дружбу обозревателей светской хроники:

«…Она по собственной инициативе начала заводить дружбу с самыми влиятельными журналистами Голливуда. Прихватив с собой Элизабет, она нанесла визит Луэлле Парсонс: дабы выразить свой восторг по поводу ее кокер-спаниеля Джимми. Затем она наведалась к Хэдде Хоппер (якобы по той причине, что Элизабет не терпится увидеть любимую собачку мисс Хоппер и она пришла спросить, можно ли ей будет привести с собой дочь). Мисс Хоппер, разумеется, растаяла. Шейла Грекхэм, по происхождению англичанка, регулярно получала приглашения на чай. Когда студия организовала интервью Элизабет с Аделой Роджерс Сент-Джон, Сара купила розовый куст: чтобы дочь преподнесла его в подарок гостье. Ведь ей было прекрасно известно, что знаменитая журналистка испытывает особую гордость за свой розарий…

Жаждущая ласки и всеобщего одобрения, Элизабет была готова радовать мать, сотрудничая с отделом по связям с прессой. Она обожала позировать перед фотографами, она часами была готова сидеть, пока кто-нибудь завивал ей волосы. Однако более склонной к сотрудничеству была именно Сара, готовая без конца сочинять сказки о юной Элизабет, о годах, проведенных в Англии. В угоду пробританским настроениям, царившим на MGM, Сара без зазрения совести лгала о шикарной жизни, о нянях, шоферах и элегантных усадьбах на лоне английских ландшафтов. Она туманно намекала на вечера в Букенгемском дворце и придворные уроки танцев, которые посещали также и юные принцессы:

– Годы, проведенные нами в Лондоне, были самыми великолепными, они были полны пышности и торжеств, – лепетала Сара. Она с такой убедительностью

повествовала о серебряном юбилее короля Георга Пятого, что у присутствующих могло сложиться впечатление, будто она действительно сидела с королевой в одной ложе, а не наблюдала, как все простые смертные, за происходящим откуда-то сбоку. Несмотря ни на что, Ауэлла и Хэдда были в восторге, также как Шейла и Адела. Вскоре в их персональных колонках новостей появились коротенькие сообщения о славной малышке Элизабет Тейлор, родом из Англии. Сара весьма дальновидно использовала двойное гражданство, связывавшее Элизабет как с Англией, так и с Америкой…».

В 9-тилетнем возрасте Лиз выглядела старше своих лет: милая внешность и мелодичный голос делали ее похожей на сказочную принцессу

Юная Лиз обожала позировать перед фотографами

По стопам матери

В Нью-Йорке я узнала, что нет лучшего дезодоранта, чем успех.

Элизабет Тейлор

Как романтичной и впечатлительной девочке не увлечься сценой и не возмечтать об актерской славе, если дома только об этом и говорят? Маленькая Лиз жадно впитывала материнские рассказы о ее былых театральных успехах, спектаклях, гастролях и обожании зрителей, о славе. Китти Келли приводит воспоминания очевидцев:

«…Френсис Тейлор был слишком безволен, чтобы во всеуслышанье выразить свое несогласие, но, тем не менее, его не на шутку обеспокоила развернутая супругой деятельность. Он опасался, как это может сказаться на дочери. Однако Элизабет быстро заверила его, что ей просто хочется быть актрисой: такой, как мамочка. Мамочка готова была часами без устали рассказывать дочери о годах, проведенных на сцене: когда она выступала в провинциальных театриках под псевдонимом Сары Созерн. Сара терпеть не могла свою девичью фамилию Вомбродт, казавшуюся ей совершенно неблагозвучной и плебейской. И перед тем как покинуть свой родной Арканзас-Сити, она официально ее сменила. С новым именем, но без гроша в кармане Сара оставила родной дом сразу после окончания школы, и направила свои стопы в театр. Она проработала актрисой до 1926 года и оставила сцену, выйдя за муж за Френсиса Тейлора. «Я оставила карьеру, потому что вышла замуж», – говорила она, – «И вся королевская конница, и вся королевская рать не смогли бы меня заставить взяться за это опять!». Что-ж, возможно оно и так, скептически усмехались друзья. Но ведь и королевская конница наверняка не выходила замуж в тридцать лет. Сара, а она на 4 года старше Френсиса, в 1926 году была уже почти что старой девой, вспоминает один из знакомых семьи:

– Ей уже исполнилось тридцать, и перспектива наконец-то обзавестись мужем (и к тому же таким видным!) стоила того, чтобы оставить далеко не звездную карьеру…

Тем не менее, Сара не забыла, что когда-то была актрисой, не раз удостаившейся в Англии хвалебных отзывов. Элизабет была готова затаив дыхание слушать рассказы матери о театре и частенько говорила одноклассникам, что когда вырастет, – обязательно станет актрисой. «Я знала, что непременно настанет такое время, когда ей захочется пойти по моим стопам», – рассказывала Сара Тейлор, – «Я до сих пор словно наяву слышу аплодисменты той чудесной ночи, когда в лондонском театре «Апполон» состоялась премьера «Глупца», где я играла роль маленькой девочки-калеки. Стоя совсем одна посреди сцены, я отвешивала публике бесконечные поклоны, а знаменитый своей сдержанностью британский зритель неистовствовал, выкрикивая: «Браво! Браво! Браво!».

Первой ролью, которую Лиз довелось убедительно сыграть для окружающих, была роль маленькой, тщеславной звезды, вращавшейся в английском свете. Еще не сыграв ни одной настоящей роли в кино или на сцене, Элизабет смогла убедить окружающих в своей исключительности и принадлежности к английской знати. В девятилетием возрасте Элизабет Тейлор удалось подняться на первую ступеньку лестницы, ведущей к Парнасу: на красивую девочку с хрупкой фигуркой и аристократичными манерами обратило внимание руководство студии «Метро-Голдвин-Майер», куда Элизабет взяли работать статисткой. Позже Лиз вспоминала:

– Мать ЛЛизы Минелли как-то сказала, что ее дочь родилась в 12 лет на кинопробах в MGM. Могу повторить эти слова о себе, поскольку тоже родилась в павильонах студии: до этого я была обычной девочкой, каких миллионы.

«У меня было нормальное детство. Я была очень подвижной, мечтала стать балериной, в Лондоне посещала балетную школу, в которой учились принцессы…»

Фильм «Каждую минуту рождается такой» (1942 год), в котором девочка снималась вместе с известными актерами, положил начало ее карьере на экране

Китти Келли так описывает процесс первых кинопроб Лиз на съемочной площадке MGM:

> *«…Для пробы в MGM Сара принарядила Элизабет в платье с рюшами и лакированные туфельки. Сама Сара тоже оделась с особой тщательностью: дабы изобразить шелковые чулки, каковые она себе попросту не могла позволить, Сара натерла ноги лосьоном для загара, а при помощи карандаша для подводки бровей нарисовала сзади темный шов. Перед тем как выйти из дома, она усадила Елизавет за молитвенник и заставила сосредоточить мысли на чем-нибудь хорошем…*
>
> *…Сара Тейлор была в полном отчаянье: ей страшно не хотелось, чтобы на Элизабет напрасно тратили пленку. Ведь ее роль была столь незначительна, что не стоила подобных излишеств. Поэтому, как только огни*

на съемочной площадке потускнели, миссис Тейлор спряталась за спиной у режиссера и принялась делать дочери знаки. Скрестив на груди пухлые руки, Сара закатила глаза к небу. Маленькая девочка перед камерой изо всех сил старалась разглядеть, что ей показывает мать. Та быстро прижала к шее палец, что означало: «ты переигрываешь!». Перед этим Элизабет видела, как мать прижала ладонь к животу, давая понять: «твой голос звучит слишком резко». Палец, прижатый к щеке, означал, что следует побольше улыбаться. И вот теперь, увидев, что Сара прижала руки к сердцу, Элизабет поняла, что ей необходимо постараться и вложить в игру побольше чувства.

В снимаемой сцене маленькая девочка умирала от пневмонии и мать юной актрисы вознамерилась непременно сделать так, чтобы смерть получилась безукоризненной и всего за 1 дубль. И все-таки Сара Тейлор наверняка рискнула бы снять еще несколько дублей, будь ей известно, что ее бесценного ангелочка затмят такие юные звезды 1944 года, как Маргарет О'Брайен и Пегги Энн Гарнер».

На съемочной площадке

1944 год. Юные звезды Маргарет О'Брайен и Пегги Энн Гарнер

В годы войны доходы Френсиса практически иссякли – картины продавались из рук вон плохо. Заработок юной статистки Лиз, пусть и скромный, позволял семье держаться на плаву. А «английская биография», придуманная Сарой для дочери, тоже неожиданно сыграла очень важную роль в жизни девочки и ее семьи. Китти Келли пишет:

> *«…В то время Элизабет Тейлор была обычной статисткой, работавшей по контракту в «Метро-Голдвин-Майер», временно отданной в займы студией «Двадцатый век Фокс». Ей еще предстояло выбиться в звезды. Разница между рядовой актрисой и звездой была разницей между безвестностью и славой. Между 150-ю долларами в неделю и пятью тысячами долларов. Волосы рядовым актрисам укладывали гримеры MGM, звезд причесывал Сидней Гелярос, ведущий парикмахер студии. Рядовых актрис наряжали студийные костюмерши. Звездам наряды шила Хелен Роуз, главый дизайнер студии. Разумеется, пропасть между обычной актрисой и звездой*

была громадна, но Сара Тейлор вознамерилась в скором будущем ее преодолеть.

…Как того требовал закон, Френсис и Сара откладывали половину жалования дочери на специальный счет, которым она могла распоряжаться по достижении 21 года. Вторая половина денег (то есть около четырех тысяч долларов) позволяла им снимать квартиру почти на самом краю Беверли-Хиллз. Война наконец-то достигла Америки, а значит, вместе с ней пришли пайки, карточки и купоны. Лишних денег практически не было. Картины не продавались, и Френсис Тейлор часами томился бездельем в своей галерее. Стремление уничтожить Гитлера и Муссолини объединило Англию и Америку. Открытие второго фронта вызвало по всей стране пробританские настроения: причем нигде они не ощущались с такой силою, как в Голливуде, где Луис Барт Майер (один из патриархов студии «Метро-Голдвин-Майер») поклонялся всему английскому. Вивьен Ли и Лоуренс Оливье провозгласили золотой четой всей эпохи. Грир Гарсон стала первой леди «Метро-Голдвин-Майер» после того, как ее картина «Миссис Минивер» удостоилась сразу семи «Оскаров» и побила все рекорды популярности.

В том году «Метро-Голдвин-Майер» понадобилось подобрать новую исполнительницу на роль маленькой девочки с британским акцентом: чтобы сыграть в паре с Родди Макдауэллом в фильме «Лесси возвращается домой». Ребенок, первоначально выбранный на эту роль, слишком вырос, и потому студия была вынуждена заняться поисками новой маленькой девочки, говорившей с британским акцентом. Продюсер ленты Сэмюэл Маркс был знаком с Френсисом Тейлором. Он как-то раз заметил, что дочка Тейлора мала для своего возраста и, родившись в Англии, говорит с британским акцентом. Продюсер наведался в картинную галерею, чтобы узнать, не захочет ли Элизабет попробовать себя в этой маленькой роли. Френсис позвал супругу. Буквально через несколько минут Сара и ее десятилетняя дочь Элизабет уже мчались на «Метро-Голдвин-Майер», выжимая последние силы из своего подержанного «Шевроле».

– Ой мамочка, мамочка, – повторяла Элизабет, – я буду сниматься в кино! Я буду сниматься в кино!..».

Фильм «Лесси возвращается домой». Лиз идеально подошла на роль девочки, говорившей с британским акцентом

Актер Родди Макдауэлл, друг всей жизни Элизабет (познакомившийся с ней как раз на пробах перед картиной «Лесси возвращается домой», где аристократичный английский мальчик сыграл роль школьника Джо), рассказывал:

> *– Продюсеры во время кастинга неодобрительно поглядывали на Элизабет, а затем один из них раздраженно попросил убрать с лица девочки столь обильный макияж, стереть тушь. Лйз моментально*

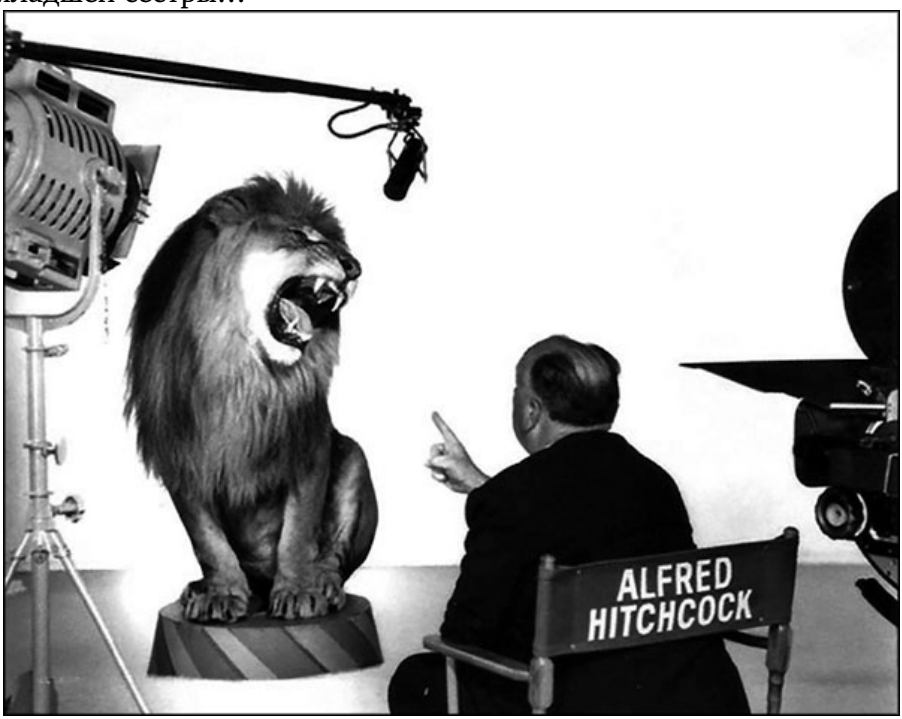
окружили стилисты и начали тереть ей лицо влажными салфетками. Изумлению их, да и продюсеров, не было предела, когда салфетки оказались чистыми – Элизабет не была накрашена вообще!

Лучший друг Элиз юный актер Родди Макдауэлл

Просто малышка родилась с двойным рядом ресниц, такая генетическая мутация встречается крайне редко и носит название дистихиаз. Макдауэлл, смеясь, заканчивал свою историю тем, что убежденно заявлял:

– Куколке с двойными ресницами просто необходимо было стать именно актрисой!

И Элизабет Тейлор действительно начала играть в кино. Подписывая первый серьезный контракт с киностудией, Сара на радостях даже не стала торговаться, практично решив, что торг будет уместен позже: когда ее дочь обзаведется приличным театральным агентом. Лиз прыгала от счастья, а затем побежала к брату, чтобы сообщить ему потрясающую новость. Однако флегматичный Говард совершенно не обрадовался успехам младшей сестры…



Альфред Хичкок, руководящий львом во время съемки легендарной заставки студии «Метро-Голдвин-Майер»

Несмотря на военное положение дел в мире, американская киноиндустрия довольно уверенно держалась на плаву, поэтому постоянная работа на MGM сделала Лиз гарантом семьи на жизнь в достатке: теперь Тейлоры не зависели от того, продадутся ли картины в галерее Френсиса. К тому же студия «Метро-Голдвин-Майер» была самым крупным, состоятельным и известным предприятием мировой киноиндустрии: каждую неделю с ее конвейера сходила одна полнометражная картина. Китти Келли вспоминала:

«…Студия «Метро-Голдвин-Майер» считалась

обиталищем неподражаемых королев экрана, а кроме того MGM снискала себе славу обладательницы колоссального творческого потенциала, считаясь самым крупным предприятием индустрии развлечений в мире. Здесь одновременно работало самое большое количество знаменитостей. Раскинувшаяся на территории в 167 акров на Кальвер-сити, это волшебное королевство являло собой скопление парков и прудов и даже располагало собственным зоопарком. Здесь также имелось школьное здание из красного кирпича, своя больница и столовая, где Луис Барт Майер не забывал включать в меню куриный суп своей матушки и ставил на каждый стол тарелку с мацой.

На студии имелся обширный проспект с картонными фасадами, словно перелетевший сюда из Нью-Йорка, Парижский бульвар, а также улочка с домами, обнесенными белым штакетником где жил Энди Харди. На одной съемочной площадке подразделение кавалерии в полной форме стреляло холостыми патронами: атакуя противника, спрятавшегося в бумажных джунглях. В то время как на другой, сразу на трех аренах, разыгрывалось целое цирковое представление. В этом мире фантазии безраздельно властвовал Луис Барт Майер: коротышка из России, на дух не переносивший гомосексуалистов, коммунистов и интеллектуалов. Он обожал детей, особенно маленьких, работавших по контракту с MGM. Ведь именно дети излучали ту магию, что заставляла зрителей, забросив все дела, валом валить каждую неделю в кинотеатры: где их ждали картины, полные шуток и музыки и вдобавок проникнутые духом патриотизма. Именно благодаря детям создавалось то особое очарование невинности и надежды. Это был тот здоровый, чистый и добропорядочный элемент индустрии развлечений…».

Руководство студии хвасталось:

– У нас звезд больше чем на небе.

И теперь одной из этих звезд, возможно, самой крупной, предстояло стать и Элизабет Тейлор.

Best Wishes
Elizabeth Taylor

Глава II. Голливудская дебютантка

Первые лавры

Бог знает, я никогда в своей жизни не искала легких путей. Я всегда понимала, что мы должны встретиться со всем, что приготовила нам жизнь, в полную силу. Думаю, что люди формируются, как скалы в природных условиях, благодаря опыту, сердечным утратам, сожалению об ошибках, о вине, о стыде…

Элизабет Тейлор

После дебютных фильмов Лиз (комедии «Каждую минуту рождается человек», цветной семейной драмы «Лесси возвращается домой», кинокартин «Джейн Эйр» и «Белые скалы Дувра», где девочка сыграла небольшие роли) успех юной актрисы был серьезно закреплен съемками в трогательной спортивной драме «Национальный бархат». Черноволосая красавица Лиз сыграла юную английскую наездницу Велвет Браун, победившую в национальных скачках, переодевшись в мальчика. Китти Келли рассказывает:

«Элизабет хотела получить роль Велвет, потому что Берман пообещал, что студия заплатит за ее уроки верховой езды в конюшнях Дъюли, где Элизабет обучат стипль-чезу и прыжкам. Сара, разумеется, тоже ухватилась за эту роль, потому что благодаря ей можно было выйти в звезды. Она убедила дочь, что из той получится настоящая Велвет Браун, и Элизабет, легко поддававшаяся внушению, перевоплотилась в английскую девочку. Она превратила свою комнату в небольшую конную выставку – полную уздечек, седел и статуэток лошадей – и даже начала называть себя Велвет».

Кадр из фильма «Джейн Эйр»

Годы спустя актриса назвала этот фильм своей самой захватывающей и самой сложной своей работой:

> *– Я работала над этой лентой, не зная сна и отдыха. Ни одна картина за всю мою жизнь не стоила мне таких трудов, как эта.*

Элизабет помогает Лесси подписать контракт с MGM. Ноябрь 1943 г.

Для роли девочки-жокея Элизабет, с детства знающей, что такое – седло (первый пони появился у Лиз, когда ей было три года) пришлось серьезно заняться верховой ездой. Каждое утро она усердно упражнялась, вживаясь в новую роль (позже одно из падений с лошади во время этой подготовки станет причиной серьезной, затяжной болезни позвоночника). Китти Келли рассказывает об этих съемках:

«…Они растянулись на семь месяцев и стали для Элизабет первым наглядным свидетельством того, сколь трудным может быть создание кинокартины. Лиз вставала рано по утру и до школы в течение часа упражнялась в верховой езде на своей капризной лошадке по кличке Король Чарльз в фильме превратившейся в Пайя. Все трудные прыжки на беговой дорожке исполнялись профессиональным жокеем, но вся остальная верховая езда была делом самой Элизабет. И хотя ни одна из сцена, где она скакала верхом, не представляла собой опасности, юная актриса была вынуждена, тем не менее, часами оттачивать свое мастерство.

Роль Вэлвет Браун требовала, чтобы Элизабет носила ортодонтическую пластинку. Первоначально студия отправила девочку к дантисту, и тот изготовил для нее золотую пластинку за 120 долларов и серебряную за 86. Затем на цветную фотопленку были сделаны пробы, но ни одну из пластинок не сочли достаточно фотогеничной. Вот почему была сделана третья, проволочная, с фальшивым небом. И Элизабет явилась на примерку: ей удалили два молочных зуба, а в кровоточащие лунки вставили два временных, чтобы сие приспособление плотно держалось во рту.

Видя, каким мучениям подвергается его дочь, Френсис Тейлор вышел из себя, а когда MGM потребовало от Элизабет остричь волосы (чтобы еще сильнее походить на жокея), отец восстал против этой затеи. Студия проконсультировалась с юристами: в праве ли MGM требовать от актрисы, чтобы та подстриглась? После нескольких совещаний юридический отдел пришел к следующему заключению: «данное требование является необоснованным и заключенный контракт не дает нам права требовать от актрисы, чтобы она себя обезображивала или в такой степени изменяла свою внешность». Таким образом Элизабет сохранила волосы и при необходимости надевала парик. То был первый и последний раз, Когда Френсис Тейлор занимал решительную позицию».

Для роли девочки-жокея в драме «Национальный бархат» Элизабет пришлось серьезно заниматься верховой ездой

Сама Элизабет относилась к собственной внешности с должным уважением, уж чего-чего, а самооценки у нее было достаточно:

> *– О боже, у меня были черные волосы, настолько темные, что на фотографиях от черного цвета отливало синевой, и очень густые брови. Моим отцу и матери пришлось их отговаривать перекрашивать меня и выщипывать брови.*
>
> *Я согласилась тогда с отцом: у Бога должна была*

быть причина, чтобы дать мне густые брови и черные волосы. Я была очень уверена в своей индивидуальности. Это была я. Я принимала себя всю жизнь, это сложно объяснить.

В 1944 году, когда фильм «Национальный бархат» вышел на экраны, Элизабет в одночасье стала звездой Америки: и зрители, и критики влюбились в 12-летнюю актрису. Прокат картины принес ее создателям более четырех миллионов долларов, а доходы Лиз увеличились до 750 долларов в неделю. Благодаря этому фильму красивая девочка стала известна каждой американской семье.

Продюсер Пандро Берман вспоминает:

– Она действительно отлично поработала в этой картине. Впоследствии она пришла ко мне и сказала: «За всю свою жизнь я не переживала так, как о моей лошади, Короле Чарльзе». Поэтому я отправился к Луису Майеру и сказал, что, по моему мнению, с нашей стороны было бы красивым жестом и вообще мудрым шагом подарить Элизабет эту лошадь. Это единственное, из-за чего она готова переживать, а кроме того, отлично сделала свое дело в картине.

Продюсер Пандро Берман

Зрительская любовь и слава неотвратимо делали свое дело: характер юной Лиз менялся под их напористым воздействием. Китти Келли рассказывает:

> *«…Однажды во время просмотра отснятого материала кто-то прилепил к ее гримерной золотую звездочку и табличку: «Мисс Тейлор». Режиссер Кларенс Браун распорядился, чтобы «звезду» убрали, а на табличке написали: «Элизабет».*

– Он опасался, что меня это обидит, – рассказывала Элизабет, – он объяснил мне, что опасается за меня: все это может вскружить мне голову, а когда подобное происходит, то люди, как правило, меняются. А он бы хотел, чтобы я всегда оставалась такой, как есть. Я понимала, что он хочет этим сказать, потому что мы с мамой уже об этом говорили. И я пообещала ему от всего сердца, что никогда-никогда не стану другой. Эта клятва, разумеется, была нарушена, как только лента «Нэшионал Вэлъвет» вышла на экран: картина пользовалась успехом, критики превозносили Элизабет за ее горячую целеустремленность и очарование…

…В свой тринадцатый день рождения Элизабет удостоилась звонка от Бенни Тау, главы отдела кадров студии. Он сообщил юной актрисе, что Король Чарльз отныне принадлежит ей. Спустя несколько недель MGM преподнесла ей еще один сюрприз. В знак признательности за отличную работу над картиной «Нэшнл Велвет» студия наградила ее премией в размере 15 тысяч долларов».

Так начался Большой Успех, пропастью отделивший юную звезду от ее сверстников.

13-тилетняя Элизабет Тейлор раздает автографы во время благотворительного матча в крикет в Лос-Анджелесе

Позже Тейлор вспоминала:

> *– В детстве я пыталась искать себе друзей среди сверстников и отчаянно надеялась, что друзья моего брата будут брать меня с собой, но они не захотели… А когда я пыталась стать незаметной, смешаться с толпой, ничего не выходило, я все равно выделялась. Я уже была знаменита, да и выглядела старше своего возраста. Когда мне было 15 лет, я играла 18-летних и встречалась с мужчинами до 30 и старше…*

Мечтательная и несколько отрешенная от действительности девочка – вот кем была Элизабет за пределами съемочной площадки.

Она могла долгие часы проводить в одиночестве, выстраивая в голове замысловатые замки из собственных грез, насвистывая при этом или издавая странные, «беличьи» звуки. Валяясь на кровати с комиксами или дамскими журналами, она буквально зачитывала статьи, посвященные звездам кино: подробностям их роскошной жизни и светским сплетням. Пожалуй, именно эти журналы, да животрепещущие кинематографические драмы того времени и стали главным «образованием» Элизабет. Из них она узнавала о любви, отношениях, о морали… Однажды Лиз рассказала своей школьной подружке о том, что после своего первого поцелуя на съемочной площадке она теперь упражняется в объятьях и поцелуях с диванной подушкой, а еще – позирует себе перед зеркалом (тренирует разные выражения лица, учится выражать мимикой и взглядом то или иное состояние), часами проводя нос к носу с собственным отражением. Китти Келли рассказывает:

> *«Однажды она ошеломила фотографа неожиданным вопросом, явившись на сеанс в обтягивающем свитере: «Какой вам сейчас нужен от меня вид – такой, который бы говорил, что я жду-не дождусь, когда же пролетит время?».*

Фургон-гримерка Элизабет

Единственная подруга Элизабет, Гейлин Макклюр, вспоминает:

> *– Помнится, Элизабет по выходным приходила ко мне домой и сидела у меня часами, мечтательно сочиняя истории о всяких там красавцах-принцах, в ней было слишком много детского и наивного. Когда я брала ее с собой на вечеринки, она не знала, как ей держать себя с мальчиками.*

Однако роль белой вороны, которую Элизабет невольно играла в обществе ровесников, не защищала ее от завистников и слишком активных, бесцеремонных поклонников, приставал. В тринадцатилетнем возрасте на одной из вечеринок девочка подверглась настоящему нападению: подвыпившие парни связали ей руки за спиной и полезли под юбку, пытаясь изнасиловать.

Родителям отморозков, боссам Голливуда, удалось замять дело, (тем более, что в числе напавших на девочку был Ричард Занук, отпрыск отца американской киноиндустрии Дэррила Занука). После кошмарного происшествия Сара настояла на том, чтобы Лиз повсюду сопровождали телохранители.

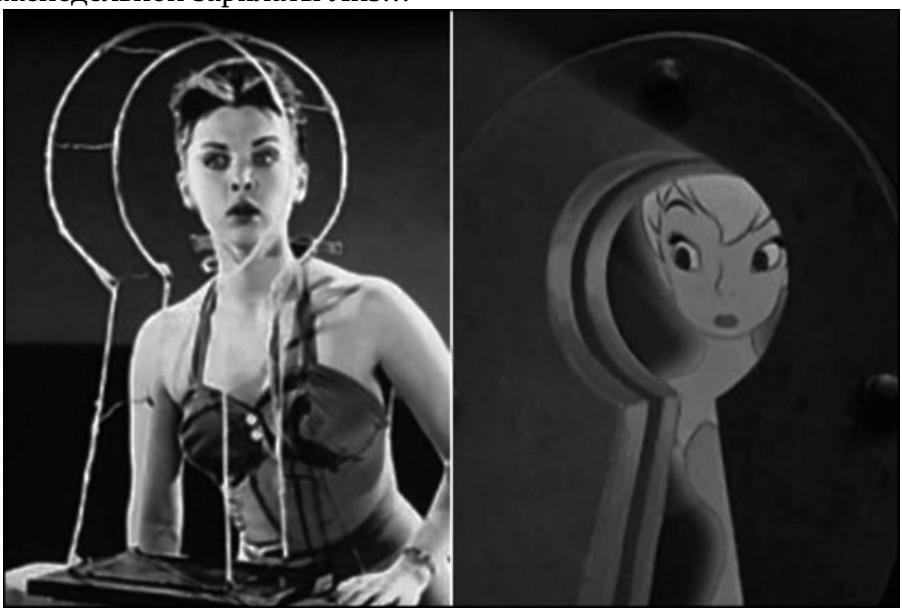
Лиз всегда старалась выглядеть старше, и уже в 15 лет была эталоном женственности и красоты

Мать девочки сосредоточила всю свою жизненную энергию на карьере дочери: это стало страстью Сары. Она старалась охватить все сферы жизни юной Лиз, корректировала не только ее внешность, но и душевные порывы. Сара проводила все без исключения вечера за накручиванием папильоток на смоляные волосы Элизабет (чтобы к утру добиться идеально-обрамляющих красивое лицо локонов) или за глажкой стильных платьев дочери. Она сопровождала Лиз на работу и там неотступно следовала за ней, превратившись в тень Элизабет на съемочной площадке и в

гримерке, на занятиях драматическим искусством и вокалом, на примерках, на воскресных занятиях в школе христианской науки (куда Сара пристроила дочь, заботясь о ее душе), везде. Во время съемок она продолжала делать знаки дочери из-за спины режиссера, а в конце рабочего дня набожная мать заставляла Лиз читать благодарственную молитву прямо в студии. Актриса Маргарет Керри вспоминает:

> *– В National Velvet я была дублершей Элизабет и помню одно: каждый раз, когда ее мамаша начинала говорить, у меня мурашки бежали по коже! «О, Элизабет», обычно восклицала мать после каждого эпизода. «О, Элизабет, дорогая, пойдем!». И Элизабет, которая в ту пору была пай-девочкой, послушно ворковала в ответ: «Иду-у-у, мамочка!».*

За такую маниакальную активность руководство студии MGM назначило Сару официальной опекуншей своей несовершеннолетней сотрудницы Элизабет Тейлор: с тех пор мать тоже стала получать небольшое жалованье, вычитаемое из еженедельной зарплаты Лиз…



Пегги Линч, известная под псевдонимом Маргарет Керри, прославилась своим прообразом Динь-Динь для Диснея

Помимо матери жизнью юной Элизабет руководили также студийные публицисты – люди, задачей которых было создание и поддержание звездных образов. Актриса Пегги Линч (Маргарет Керри), работающая на MGM вместе с Элизабет, вспоминает:

«…В те годы нас создавали публицисты: именно они формировали наш образ, нашу психику, наше «Я». Они обычно выбирали тот образ, который по их мнению лучше всего нам соответствовал. И затем, если наше поведение так или иначе не соответствовало этому образу, на нас накладывали штраф и удерживали деньги из жалованья. Я, по мнению студии, должна была изображать из себя нечто вроде соседской девчонки… Если я отправлялась за покупками в джинсах и мужской рубашке навыпуск (как мы обычно одевались в те дни), это грозило мне штрафом. Считалось, что подобный наряд отрицательно сказывается на репутации звезд.

Будучи типичной юной принцессой, Элизабет Тейлор ни разу не дала повода для нареканий со стороны отдела: поскольку мамаша неизменно наряжала ее, как куколку. Не довольствуясь созданием одного лишь имиджа, студия крепко брала в свои руки всю нашу жизнь: устраивала свидания, руководила ухаживанием и помолвками, планировала браки и даже объявляла разводы. Заодно она заботилась об устранении любой угрозы системе звезд: будь то арест, адюльтер или, время от времени, – аборт».

Энн Штраус, глава портретной галереи студии «Метро-Голдвин-Майер», делилась в интервью:

«…Юным актрисам MGM надлежало оставаться такими же чистыми и непорочными как свежевыпавший снег. Девушки не курили, не пили, не сквернословили, а также не спали с мужчинами до свадьбы. Они были образцово показательными».

Элиз с матерю Сарой. 1948 год

Публицисты стали настоящей находкой и первейшими помощниками образцовой матери Элизабет: по сути, Сара получила себе в помощь целый штат специалистов, которые были с нею заодно, ведь они помогали ей взращивать звезду. В возрасте шестнадцати лет Элизабет так от всего этого устала (от чрезмерной опеки матери и публицистов, от суетной жизни и напряженной работы, от навязчивых поклонников и постоянно сопровождающих ее телохранителей, от одиночества и тяжелого

бремени славы), что решила поставить крест на своей актерской карьере. Обычная жизнь с ее простыми отношениями и незамысловатыми радостями стала казаться Лиз пределом мечтаний. Однако Сара довольно жестко вернула дочь на землю: она назвала Элизабет неблагодарной, напомнила ей о ее обязанностях по отношению не только к собственной семье, но и к американскому зрителю, полюбившему юную красавицу… В результате Лиз написала матери письмо с покаянием, в котором говорилось:

> *– Я многое передумала и поняла, что вся моя жизнь принадлежит кино. Для меня уйти – то же самое, что отсечь дереву корни, – я бы вскоре увяла, иссохла и стала бы никому не нужна.*

В общем, Лиз осталась в своей напряженной, звездной жизни и от детских ролей постепенно перешла на роли ярких романтических особ и стала тайно мечтать о замужестве.

Бумажная кукла Элизабет Тейлор

Как рассказывают коллеги Элизабет по съемочной площадке, более дисциплинированной и трудолюбивой актрисы, чем Тейлор, в Голливуде не было. Она неустанно заучивала роли (могла часами, оттачивая, повторять одну и ту же сцену), а на съемочной площадке успевала одновременно ловить каждое слово режиссера и следить за знаками, которые ей делала Сара из-за его спины. Строгие критики официально похвалили Тейлор с газетных страниц за горячую целеустремленность и очарование. Помимо предложений новых ролей, на Элизабет посыпались предложения участвовать в рекламных кампаниях: косметики, мыла, женской одежды. Появилась даже линия игрушек – красивых кукол-принцесс «Элизабет»: которых, наряду с открытками с фотографиями Тейлор, стремительно раскупала армия поклонников. Слава заразила послушную мамину дочку Лиз звездной болезнью, которая стремительно прогрессировала. Китти Келли так описывает этот период:

«Саре удалось пробить для дочери дорогу в мир хорошо оплачиваемой рекламы, или, как это называлось в сороковые годы, «коммерческих связей». Первое коммерческое соглашение принесло Элизабет 3 тысячи долларов за право использовать ее фото для рекламы мыла «Люкс».

За ним последовали контракты на рекламу мыла «Вудбери» и косметики «Макс фактор», после чего компания по выпуску поздравительных открыток пообещала заплатить Элизабет тысячу долларов за один из ее рисунков. За всем этим последовали бумажные куклы «Элизабет Тейлор» и книжки-раскраски. Кроме того, она получала по 3 тысячи долларов за каждое выступление по радио, половина суммы, однако, отчислялась ее матери, в качестве вознаграждения за подготовку дочери к передаче.

Одним из самых выгодных коммерческих контрактов стало соглашение с фирмой «Дъэлл, Слоун и Пирс» за книжку «Ниббл з и я». За свой первый писательский труд во славу ее дрессированного бурундучка Ниббл за. Элизабет получила гонорар в размере тысячи долларов. Книжка объемом в 77 рукописных страниц с «иллюстрациями автора» была отправлена «Дорогому господину редактору». В письме, написанном Элизабет на имя издателя, сразу чувствовалась направляющая рука

отдела по связям с прессой. Одна дама в студии сказала, что, по ее мнению, не стоит все это перепечатывать на машинке, потому что вам скорее понравится все так, как есть, от руки.

Сначала была Лэсси, затем Пай и вот теперь Ниббльз. Эта книга явилась заключительным штрихом в созданном студией портрете Элизабет Тейлор, изображавшем ее этаким юным воплощением Франциска Ассизского в юбке. Пресс-отдел разослал по редакциям журналов ее фотографии в окружении четвероногих питомцев – золотого ретривера (Лабрадора), коккер-спаниеля, черного кота по имени Джиперс-Криперс, лошади, восьмерых бурундуков и белки. Как и следовало ожидать, следующей картиной Элизабет стала лента «Мужество Лэсси», в которой ее имя стояло первым, оттеснив знаменитую колли на вторую строку. Тем не менее, многие критики по-прежнему отдавали предпочтение собаке. Вот, например, что писала «Нью-Йорк Геральд Трибъюн»: «Лэсси достойна самых высоких наград за актерское мастерство».

Элизабет Тейлор в рекламе от Max Factor

В 1947 году на экраны вышел фильм «Синтия», в котором героиня юной Лиз была тяжело больна. Съемки давно закончились, а Элизабет так и не вышла из роли до конца, обзаведясь одной неприятной привычкой: ложиться в больницу и поднимать панику после любого чиха. Способность чуть что оказываться на больничной койке стала для Лиз инструментом манипуляции матерью, режиссером, партнерами по съемочной площадке, а в будущем – мужьями. Как только что-то

происходило наперекор актрисе, она на следующий день срывала съемки, оказываясь на больничной койке. Китти Келли вспоминает:

> *«Первая хворь юной звезды, по всей видимости, явилась реакцией на перемены в семье, которые она в силу своего юного возраста не могла понять до конца. Эти перемены начались с того момента, когда Элизабет «одолжили» студии «Уорнер Бразерс» для участия в картине «Жизнь с отцом». Съемки этой ленты заняли пять месяцев. К середине этого времени Сара успела по уши влюбиться в режиссера картины, Майкла Кертиса, пятидесятивосьмилетнего венгра, который вошел в историю кинематографа главным образом как создатель «Касабланки» и первооткрыватель таланта Дорис Дей. Для похотливого Кертиса пятидесятилетняя мать Элизабет была лишь очередным мимолетным увлечением, которое закончилось одновременно со съемками фильма. Однако уже этот скоротечный роман на какое-то время разбил супружеские узы Тейлоров. Осенью Фрэнсис вместе с сыном уехал в Висконсин к своему дяде Говарду Янгу. Элизабет осталась в Голливуде с матерью».*

Кадр из фильма «Синтия»

В то же время Элизабет начала постепенно отбиваться от материнских рук: сказывался переходный возраст и усталость от постоянного контроля. Она усвоила манеру вести себя несколько развязно и даже использовать в речи крепкие словечки. Ее коллега по цеху, актриса Мэри Астор, вспоминает:

> *– Когда я наблюдала за Элизабет со стороны в столовой во время съемок «Нэшнл Велвет», у нее был такой серьезный, сосредоточенный вид. Теперь же его как ни бывало. Куда только подевалась ее застенчивость? Элизабет начинала понимать – это, впрочем, естественно для ее возраста, – что природа наградила ее красотой. А еще она была смышленой. Очень даже смышленой. Такие обычно стремятся быть первыми в учебе. Для ребенка она отлично умела сосредотачиваться на работе – и этим мне нравилась. Элизабет была сдержанной и слегка надменной. Вернее, более чем слегка. В ее фиолетовых глазах временами проскальзывало нечто расчетливое, словно она точно знала, чего ей хочется, и не сомневалась, что сумеет добиться своего.*

Кроме того, жгучая красотка Лиз стала ярко краситься, носить вызывающе-открытые платья и блузки, и из скромного, послушного материнской воле подростка превратилась в соблазнительную, непокорную штучку. Китти Келли пишет об этом периоде жизни юной звезды:

> *«…Элизабет красила ногти на руках и ногах алым лаком, обильно поливала себя туалетной водой, носила огромные серьги и наряжалась в пышные юбки и «крестьянские» блузки с глубоким вырезом. Она по осиному перетягивала талию и всегда стояла прямо, выпячивая вперед грудь, словно предлагая миру два огромных кома свежевзбитых сливок.*
>
> *«Мне постоянно приходилось следить за Элизабет, когда она наряжалась в эти свои съезжающие с плеча блузки, – вспоминала Анна Штраус. – Дело в том, что она сделала для себя открытие, какое внимание оказывают ей, когда она приходит в этих блузках, и, сделав это открытие, пустилась во все тяжкие. Элизабет с радостью делала из себя за ленчем объект всеобщего ухаживания, а в заключение, стянув пониже с плеч свою блузку, любила продефилировать через всю столовую – из конца в конец, – явно выставляя себя на всеобщее обозрение. Как только мне подворачивалась*

такая возможность, я тотчас подтягивала ей эти плечи повыше, но она, случалось, успевала ускользнуть от меня».

Сара палец о палец не ударила, чтобы пресечь попытки дочери казаться старше своих лет. По правде говоря, она, наоборот, поощряла это стремление, раньше времени выталкивая дочь во взрослую жизнь.

«Я хорошо помню то время, когда Элизабет было всего тринадцать лет, и она отправилась в Вашингтон, чтобы вместе с миссис Трумэн в Белом Доме начать «Марш десяти центов», – вспоминает одна из ее знакомых. – Сара нарядила девочку в черное бархатное платье, белую шубку и нейлоновые чулки без шва. Разумеется, сама Сара красовалась в нарядах, более приличествующих инженю, но зато Элизабет у нее смотрелась скорее как девица легкого поведения, из числа тех, что играла Джоан Кроуфорд».

Жгучая красотка Лиз стала ярко краситься, носить вызывающие платья и блузки, и из скромного, послушного подростка превратилась в соблазнительную, непокорную штучку

В 1948 году 16-тилетняя Тейлор снялась в мюзикле «Свидание с Джуди» – о любви тинейджеров в затерянном южном городке Санта-Барбара

Щедрая на эпитеты американская пресса стала называть шестнадцатилетнюю Лиз «лучшей девушкой столетия». Среди многочисленных титулов (королева Голливуда, трижды обладательница «Оскара», лучшая американская актриса и проч.) этот стал самым первым. Слишком рано расцветающая Элизабет была похожа на прекрасное тепличное растение, которое хитрость садовника заставила расцвести раньше времени. Все, кто видел ее, ахали про себя: «Боже, какая красавица!». А писатель Дж. Д. Сэллинджер, категорично заявил, впервые увидев Лиз:

– Она самое прекрасное создание из тех, что я когда-либо встречал!

И никто даже не мог подумать, что эта роковая, жгучая красотка до шестнадцати лет ни разу не ходила на свидания!

Элизабет Тейлор на вручении Оскара, 1949 год

Глава III. Послушная малютка

Спортивный герой

Клуб ОНПМ был затеей Лиз и Бетти Салливан, дочери Эда Салливана. Они придумали его в ту пору, когда им обеим никак не удавалось обзавестись кавалерами, – вспоминает одна из подруг детства. – Эта аббревиатура расшифровывалась как Одинокие Незамужние Послушные Малютки.

Биограф Китти Келли

Какое-то время после этого я довольно сильно переживал, но теперь я рад, что не женился на ней.

Глен Дейвис, спортсмен, несостоявшийся жених Э. Тейлор

О чем грезит красивая, впечатлительная девушка, помешавшаяся на романтических фильмах?

Конечно, о любви!

Тейлор работает со своим наставником на съемочной площадке. 1948 год

Юная Лиз буквально помешалась на теме любовных отношений, хотя реального бойфренда у нее, шестнадцатилетней любимицы всей Америки, пока так и не было. Зато было богатое воображение, которое щедро выдавало ей соблазнительные картины объятий, клятв верности, свиданий под луной и прочих неизменных атрибутов грез на тему любви. Начались бессонные ночи, в которые Лиз писала странные, мрачноватые стихи. Обеспокоенная Сара находила рукописи и безжалостно уничтожала всю любовную лирику дочери, однако кое-что Элизабет удалось сохранить, например, стихотворение «Любить тебя», наглядно демонстрирующее, что дар поэзии не входил в число достоинств девушки:

«Любить тебя.
Любить тебя.
Не это ли блаженство,
И когда наши сердца обменяются нежным поцелуем,

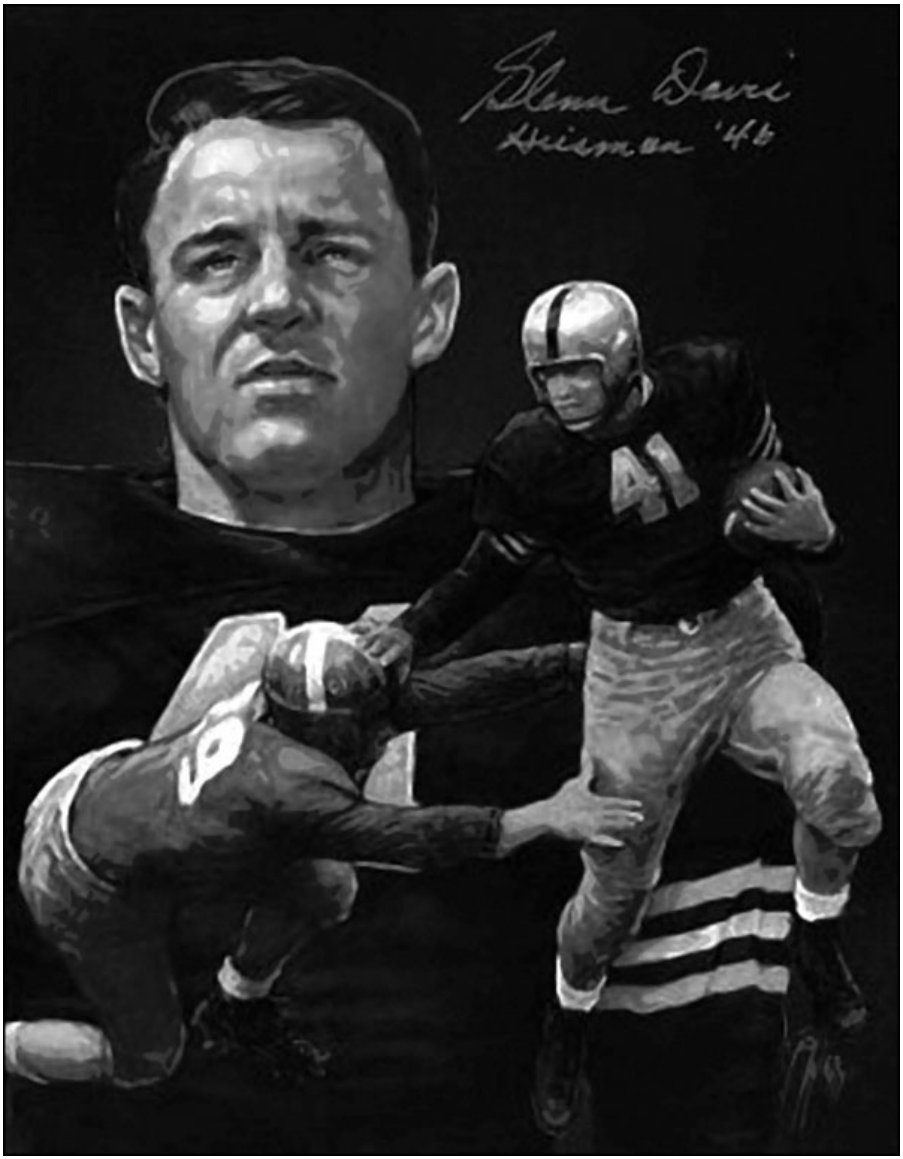
Я узнаю, что такое счастье.
Но я буду еще счастливее,
Если ты полюбишь меня,
Если только ты полюбишь меня».

Вспоминая об этом периоде, Элизабет рассказывала:

– В то время я много читала, писала маслом, рисовала… Как мне кажется, все это помогало мне убежать от действительности. Я не вылезала из кинотеатров. А еще для меня многое значила езда верхом – с одной стороны, ты один, но рядом с тобой друг, верное тебе животное.

Лучшими друзьями Лиз были ее конь Король Чарльз и мама, ее постоянная спутница и наперстница, с которой Лиз делилась всеми переживаниями, мыслями и страхами. Сара не раз признавалась:

– Мы с Элизабет столь близки, что иногда мне кажется, что мы с ней один человек.



Плакат с изображением Глена Дейвиса. 1946 год

Обе женщины, опытная и юная, с волнением ждали, когда же у Элизабет появится первый настоящий кавалер, и обе переживали, что этого никогда не произойдет. Разумеется, опасения Сары и ее дочери были напрасными. После того, как в 1948 году на экраны вышел мюзикл «Свидание с Джуди» (где шестнадцатилетняя Элизабет убедительно сыграла сексапильную и строгую руководительницу школьного бала), Лиз окончательно перестала считаться ребенком.

Отныне юная голливудская звезда перешла в категорию девушек на выданье и публицисты сразу же позаботились о том,

чтобы подыскать ей подходящего бойфренда. Китти Келли рассказывает об этом периоде:

> *«…Во время съемок фильма «Джулия плохо себя ведет» режиссер, Джек Конвей, приостановил работу над фильмом, чтобы приготовить для юной звезды сюрприз – празднование ее дня рождения. MGM, зная, что Элизабет помешана на нарядах, подарила ей весь шикарный гардероб, который она носила в картине. Родители подарили ей золотой ключ от небесно-голубого кадиллака – хотя и не позволили ей пока учиться водить машину. Однако главным подарком, о котором мечтала Элизабет Тейлор к своему дню рождения, был ухажер. Студия вскоре позаботилась и об этом, подыскав для нее кавалера в лице игрока всеамериканской футбольной лиги, выпускника Вест-Пойнта по имени Глен Дейвис».*

И шестнадцатилетняя Лиз начала встречаться с игроком всеамериканской футбольной лиги Гленом Дейвисом, типичным американским супергероем, голубоглазым блондином-атлетом.

Постер к фильму «Джулия плохо себя ведет»

В июне 1949 года Дейвис приехал в родной Лос-Анджелес, чтобы сыграть в показательном футбольном матче клуба армейцев с Los Angeles Reme. Вечером после игры, разгоряченные, Дейвис и его дружки ввалились в клуб «Мамбо», где восходящая звезда американского футбола и юная звездочка студии MGM оказались в одной компании и познакомились. На тот момент Глен уже прославился в качестве бравого полузащитника, футболиста Военной академии США, получил прозвище «мистер

аутсайд».

Ореол супергероя и мужественная внешность типичного американского красавчика сделали свое дело: юная Элизабет влюбилась в Дейвиса. Спустя годы она рассказывала об этой встрече:

> *– Когда я увидела это открытое, это чудесное лицо, я подумала: «Вот он, тот самый парень».*
>
> *У меня, можно сказать, камень с души свалился. Моим волнениям настал конец.*

Завязался очаровательный летний роман, так похожий на романы подростков, отдыхающих в пионерском лагере.

Элизабет блистала на съемочной площадке фильма «Маленькие женщины», очень трогательной, эмоциональной драме, а в перерывах между съемками проводила время в небольшом пляжном домике в Малибу, который чета Тейлор арендовала каждое лето.

Роман Лиз и Глена напоминал тот, в экранизации которого Элизабет как раз участвовала: целомудренные поцелуи под луной, долгие задушевные разговоры, романтика в чистом виде, никакой пошлости.

Дейвис рассказывал:

> *– Мы не пили и не курили, и я ни разу не притронулся к ней даже пальцем. Разумеется, мы целовались и все такое прочее, но до постели дело не дошло.*

В 1949 году на экран вышел фильм «Маленькие женщины», ставший очень популярным в Америке, и где Тейлор сыграла роль Эми

Саре очень понравилась мысль сделать пару из народного любимца США и первой американской красавицы. Она поощряла частые походы в кино, пикники в Малибу, охотно отпускала дочь болеть за Дейвиса на футбольные матчи.

26 августа 1949 года прозошло значимое событие в мире спорта, героем которого стал Глен: во время очередного футбольного матча он установил рекорд, пробежав с мячом добрую сотню ярдов в полной футбольной выкладке за 10,8 секунды. Легкомысленная Лиз не особо прониклась подвигом

возлюбленного, однако ей понравилось, как Дейвиса атакуют толпы репортеров, а его имя не сходит с первых полос американских газет.

Любовная история продолжалась до осени и закончилась вполне предсказуемо: парня забрали в армию, а легкомысленная возлюбленная благополучно забыла о нем через несколько месяцев после того, как в газетах появился душещипательный фоторепортаж: безутешная Лиз рыдает на груди призывника, провожая его в Корею.

Справедливости ради нужно отметить, что Элизабет использовала все свои связи, чтобы избавить Глена от этой поездки и от армии в частности.

Однако из этой затеи ничего не вышло – 23-х летний спортсмен отправился служить, а его возлюбленная повесила на шею талисман – золотой футбольный мяч на цепочке как знак их помолвки.

На вопросы журналистов она отвечала:

> *– Да, мы обручились. Этот мяч означает, что я обручена с Гленом. Я собираюсь дождаться Глена, и мы поженимся, когда мне исполнится восемнадцать или девятнадцать. Как только я закончу сниматься в картине, то сразу же поеду в Корею, чтобы его проведать. Я люблю Дейвиса и хочу быть вместе с ним.*

Первые пять месяцев разлуки Элизабет была безутешна и верна своему футболисту. Она писала любимому длинные, проникновенные письма…

Первые пять месяцев разлуки Элизабет была безутешна и верна своему футболисту. Она писала любимому длинные, проникновенные письма (на которые он коротко и совсем не интересно отвечал), на съемочной площадке, целуясь с партнером по фильму Робертом Тейлором, Лиз представляла Глена: уловка позволяла ей очень достоверно сыграть любовную сцену.

Свое семнадцатилетие Лиз отметила грандиозной вечеринкой, которую закатил ее дядя, миллионер Говард Янг. Лучшим подарком для девушки стал неожиданный телефонный

звонок Дейвиса, который радостно сообщил, что в марте он идет в отпуск и сразу же летит к ней. И вот накануне этой встречи произошла еще одна: на одной из студийных вечеринок Элизабет познакомилась с Уильямом Д. Поули-младшим, 28-летним наследником миллионов, элегантным красавчиком из влиятельной семьи. Практичная Сара сразу же переметнулась на сторону нового ухажера дочери, лишь только узнав о связях и миллионах его отца и о яхтах, виллах с бассейном и прислугой, которые принадлежали Поули. Сам потенциальный жених ее тоже очаровал, позднее она рассказывала:

> *– Биллу было двадцать восемь, а Элизабет только семнадцать, где он только не побывал! Он был высок, темноволос, хорош собой. А его темно-голубые глаза – ну точь-в-точь как у Элизабет. Он очаровал ее – да что там, очаровал всех нас – своими рассказами об Индии, Китае, Южной Америке…*

Лиз с Уильямом Д. Поули-младшим

В аэропорту Майами, где Лиз встречала Дейвиса, Сара изо всех сил отвлекала внимание репортеров, хотя эти смешные попытки ни к чему не привели: на следующее утро со страниц всех американских газет смотрелась пасторальная парочка – ослепительная кинозвезда обнимает брутального мачо в форме офицера ВВС США, который впоследствии вспоминал:

– Я прилетел к дядюшке Говарду прямо из Кореи, на

мне была форма – и, пожалуй, больше ничего. У меня с собой не было гражданской одежды, да и с деньгами было тоже не густо. Но до подарка от жениха ко Дню рождения Лиз дело так и не дошло.

Дейвис привез невесте, обожающей наряды и драгоценности, миниатюрную копию своего вест-пойнтовского перстня, усыпанную бриллиантами и жемчужное ожерелье из 69 отборных камней. Жемчуг жених подарить успел, а вот кольцо приберег до официальной помолвки, которой так и не суждено было состояться.

– Она начала встречаться с этим толстосумом Поули, и чего уж кривить душой, он, в отличие от меня, мог раскошелиться на что угодно. Этот тип просто не знал, куда ему девать деньги. Когда я прилетел домой, он устроил для нас вечеринку. Я прожил там неделю или дней десять, чувствуя себя бедным родственником, а затем решил, что с меня хватит. «Провались все пропадом», – сказал я себе и улетел. Нельзя сказать, что в то время у меня вообще не было гроша за душой – я получил двадцать тысяч долларов за главную роль в ленте «Дух Вест-Пойнта», – но куда мне было тягаться с этим толстосумом Поули и его миллионами. Семья Лиз вообще не имела никаких денег, и это не давало ее мамаше покоя. Чего тогда удивляться, что Сара вцепилась в этого Поули.

О своем периоде влюбленности Элиз вспоминала: «В то время я много читала, писала маслом, рисовала… Как мне кажется, все это помогало мне убежать от действительности…»

Биограф Китти Келли рассказывает:

> *«Честолюбивой матери также хотелось, во что бы то ни стало, соблюсти приличия, и именно здесь молодой лейтенант совершил самую непростительную ошибку.*
>
> *«Глен заявился на официальный обед к Говарду Янгу в спортивной майке и армейских брюках, – вспоминал Фрэнк Фаррел. – Для Сары это стало последней каплей, переполнившей чашу терпения. Разумеется, она не из тех,*

кто постоянно говорит о хороших манерах. Самым главным пунктиком в жизни является Христианское Познание и ее хронические запоры, и то и другое она может обсуждать бесконечно».

Глен Дэйвис покинул Флориду, увозя с собой обручальное кольцо, которое он купил для Элизабет, оставив ей золотой футбольный мячик, который она проносила целых семь месяцев.

«Как мне кажется, я просто обязана его вернуть, – заявила Элизабет репортеру. – Но Глен сказал, что я могу оставить его себе».

Кроме того, Элизабет оставила себе ожерелье из шестидесяти девяти искусственно выращенных и подобранных по размеру жемчужин.

«Лиз позвонила мне через несколько недель и попросила: «Будь добр, сделай мне последнее одолжение. Пойдем со мной на вручение «Оскаров», – вспоминал Дэйвис. – Но я не стал продолжать свои ухаживания. После этого мы больше не встречались».

Вскоре после церемонии вручения наград, пресс-отдел «МГМ» выступил с заявлением о том, что всеамериканский герой футбола и самая красивая в мире девушка-подросток расстались».

Наследник миллионов

Разрыв столь яркой и любимой зрителем пары наделал много шума: в адрес Элизабет посыпались недобрые газетные заметки, нередко доводившие ее до слез. В сердцах она говорила:

– Может быть, было бы лучше, влюбись я в какого-нибудь официанта, или кого-нибудь еще. Такой роман не наделал бы особого шума.

Элиз не разрешали садиться за руль до совершеннолетия

Страстно влюбленный в Лиз Поули-младший (Билли, как она его называла) о ее разрыве с футболистом также узнал из утренней газеты: бросив свой завтрак недоеденным, он бросился в отцовский кабинет и настрочил пылкое признание в любви с предложением руки и сердца.

Билли сообщил, что вылетит в Калифорнию по первому сигналу Элизабет и привезет с собой фамильную драгоценность – перстень с бриллиантами: чтобы подарить его возлюбленной в знак их помолвки.

В ответ Элизабет вместе с матерью сами незамедлительно вылетели во Флориду, где в роскошном особняке в окружении белоснежных пляжей острова Сансет Ки жило семейство Поули.

Следующим же утром парочка обручилась и Элизабет

попросила Сару о том, чтобы та как можно скорее официально объявила о помолвке (юной невесте не терпелось выйти в свет, надев прекрасный брильянтовый перстень с красивым, похожим на кусочек льда камнем в 3,5 карата, обрамленным двумя «льдинками» поменьше – в 0,5 карата каждая).

Однако помимо драгоценного фамильного украшения у семейства Поули был еще один сюрприз для будущей невестки, отнюдь не такой приятный: новые родственники, включая самого Билли, категорически не хотели, чтобы Элизабет продолжала сниматься в кино.

То есть как только помпезная свадьба подойдет к концу, любимица Америки, звезда экранов Элизабет Тейлор канет в лету, чтобы новоиспеченная миссис Поули начала жизнь чинную, уединенную, далекую от съемочных площадок, публичности и внимания прессы.

«Вы не дождётесь от меня заявления, что я уже не выйду замуж ещё раз»

Элизабет вспоминала в своих мемуарах:

> *«…Вторым претендентом оказался тоже богач, вернее, сын миллионера – Уильям Поули. Снова человек старше меня, снова красивое ухаживание, даже обручальное кольцо в честь помолвки, которую приветствовала MGM, фотографии у бассейна на их вилле, мамины восторги и прочее…*
>
> *А потом ссора из-за моей карьеры. Съемки фильма?*

Глупости, миссис Поули не будет сниматься! Что-то поняла и моя мама, она попыталась убедить Уильяма, что это последний мой фильм… Поули дураками не были, Билли в том числе, помолвка оказалась расторгнута…».

Все началось рушиться сразу же после объявления помолвки: как только лучащаяся радостью Сара собрала журналистов ведущих изданий и разразилась практически непрерывной сорокаминутной речью. Она рассказала, что в планах Элизабет – закончить среднюю школу, а весной следующего года – сыграть отложенную из-за учебы свадьбу, а затем, – о, конечно же! – вернуться к съемкам! Билли слушал эту часть речи будущей тещи с непроницаемым лицом, не проронив ни слова. Его условием было то, что молодая жена оставит MGM и карьеру кинозвезды и превратится в домохозяйку, рожающую мужу розовощеких херувимчиков, в этом решении Поули-младший был непоколебим.

После съемок в фильме «Национальный бархат» Элиз надолго вжилась в роль вечно болевшей девушки… На фото: Дональд Крисп, Микки Руни, Энн Ревир и Элизабет Тейлор

Задолго до назначенного дня свадьбы пара начала ссориться на эту тему: Билли хлопал дверью, а Элизабет плакала и замыкалась в себе. И в один прекрасный день жениху, приехавшему мириться после очередной «кинематографической»

размолвки, открыла Сара, которая печально сообщила: Элизабет берет паузу в отношениях, так как хочет еще раз все обдумать и испытать свои чувства на прочность. После этого Билли в недоумении вернулся домой, а его невеста, не снимая пока обручального перстня, полетела на съемки в Голливуд. Телефонные переговоры, в которых Билли с ослиным упрямством требовал от Лиз бросить работу и незамедлительно приехать к нему, лишь ускорили разрыв.

Кадр из фильма «Отец невесты»

Китти Келли рассказывает:

«Духовно незрелая девушка-подросток оказалась поставлена перед мучительным выбором – выйти замуж за богатого и красивого жениха или отказаться от довольно удачной кинокарьеры.

Она наверняка пожертвовала бы карьерой, если бы мать не заставила ее терзаться раскаянием по этому поводу, – вспоминала дублерша Элизабет, Марджори Диллон. – Миссис Тейлор постоянно напоминала Элизабет, что она – единственная опора всей их семьи, и поэтому, если она оставит кино, то растопчет всю их любовь и преданность ей». Имелось и еще одно соображение. Случись Элизабет оставить карьеру, как «МГМ» автоматически прекратила бы выплачивать жалованье и самой Саре. А поскольку Фрэнсис Тейлор уже фактически удалился от дел, то Сара просто не могла себе позволить упускать деньги, которые причитались ей как опекунше дочери. Сара весьма рассудительно предложила, что когда Элизабет с Биллом поженятся, они останутся жить в Майами и будут наезжать в Голливуд лишь во время съемок. Билл Поли неохотно согласился, но зато Элизабет была готова прыгать от радости.

«В Голливуде я буду оставаться для всех Элизабет Тейлор, – сказала она журналу «Фотоплей». – В Майами я буду Элизабет Поли».

Мудрое решение Сары спасло ситуацию, когда Элизабет приступила к съемкам картины «Отец невесты», с участием Спенсера Трейси и Джоан Беннет, где она в очередной раз сыграла «богатую девушку». Она заявила представителям прессы, что чувствует себя «откровенно глупо», играя перед камерой роль будущей невесты, в то время как в реальной жизни ее вскоре ожидает та же самая роль.

Однако мудрое решение Сары оказалось бесполезным, когда 15 декабря 1949 года «МГМ» объявила, что Элизабет Тейлор отдана «взаймы» Парамаунту на чрезвычайно драматичную роль, для участия в картине «Место под солнцем» по роману Теодора ДрЛизера «Американская трагедия». Далее в пресс-релизе говорилось, что Элизабет появится в новой ленте вместе с такими актерами, как Монтгомери Клифт и Шелли Винтерс, под началом легендарного режиссера Джорджа Стивенса.

«Ой, мама, даже не верится», – воскликнула Элизабет, услышав эту новость.

«Ну, мое сокровище, я всегда знала, что тебя ждет большое будущее. А теперь, работая у лучшего режиссера в Голливуде, ты…»

Что касается Билла Поли, тот был далеко не в восторге. Он позвонил Элизабет, чтобы узнать, когда же они наконец поженятся, а она, как обещано, оставит кино.

«Билл, как только эта картина будет закончена, мы сразу же поженимся», – пообещала Элизабет.

«Мне казалось, что ради меня ты готова пожертвовать карьерой».

«Ну конечно же, Билл, конечно – как только я закончу картину».

«Мне казалось, что кино тебе до смерти надоело».

«А я и сейчас так говорю. Честное слово. Неужели ты не понимаешь, что значит работать с таким человеком, как Джордж Стивенс?»

«Представь себе, что нет. Я думал, что в первую очередь ты любишь меня».

«Ну конечно же, люблю. Я люблю тебя больше всего на свете. Ой, Билл, подожди. С тобой хочет поговорить мама».

Трубку взяла Сара.

«Билл, дорогой, выслушай, – попросила она. – Ты не заметишь, как быстро пролетит время, пока Элизабет будет занята на съемках – месяцев пять, от силы шесть.

И вообще, ей всего семнадцать, а она уже снимается у Джорджа Стивенса – ну неужели тебе хочется, чтобы она упустила столь редкую возможность, и…»

В тот вечер Билл Поли прилетел в Калифорнию, чтобы выяснить отношения с невестой и ее семьей.

Он заявил Элизабет, что порывает с ней всякие отношения, если только она сию же минуту не откажется от съёмок. Поли добавил, что и без того долго ждал, когда она сначала закончит картину с Ваном Джонсоном, затем со Спенсером Трейси, но он не намерен больше ждать.

Элизабет разразилась рыданиями, Сара ломала руки и умоляла, но Билл Поли оставался неумолим. На следующий день он улетел из Калифорнии и сделал сообщение для прессы, что его помолвка с Элизабет Тейлор расторгнута.

Он также дал понять, что причиной тому «ее обязательства перед кинобизнесом».

«Странная вещь! Терпение приходит с годами. Чем меньше остается лет жизни, тем больше наша способность к терпению»

Этот разрыв Лиз восприняла довольно близко к сердцу.

Ей нравился Билли, ей хотелось стать его женой, но оставить любимую, хоть и суетную, работу, славу – на это любви Элизабет к Уильяму оказалось недостаточно.

Голливудская красавица позирует фотографу Уоллесу Бирию

Самый богатый человек Америки

Пожалуй, самым эксцентричным женихом можно назвать миллиардера Говарда Хьюза: американского промышленника-предпринимателя, инженера, новатора американской авиации, режиссера и кинопродюсера. Журнал «Караван Историй» так охарактеризовал этого неординарного претендента на руку и сердце Лиз:

«…Хьюз был робок, вежлив и углублен в себя. Только за штурвалом самолета он превращался в агрессивного экстраверта. Несмотря на склонность к уединению неопределенные ситуации и рискованные предприятия доставляли ему удовольствие. Таким способом он выпускал пар. Его первые проекты в кино были не для слабонервных. Хьюз отлично вписался в мир кинематографа, и директора, актеры и актрисы скоро на себе познали его навязчивое стремление к совершенствованию. Он нанимал и увольнял прямо на съемочной площадке и в конце концов стал продюсером, режиссером и костюмером большинства своих первых лент. Первую свою картину «Играют все» Хьюз выпустил в двадцать один год. Никто в Голливуде не принял его всерьез, кроме него самого. Импульсивный, беспокойный Хьюз потерял миллионы, изучая закулисные механизмы Голливуда, но тотальный контроль над творческим процессом и на 100 % принадлежащая ему собственность всегда были для Говарда важнее окупаемости инвестиций.

Говард Хьюз был чрезвычайно робким, углубленным в себя человеком, который превращался в тигра, когда садился за штурвал маневренного самолета, руль быстрой машины или волочился за женщиной. Манией Хьюза были совершенствование и всеобщий контроль, что стало неотъемлемой частью подъема к вершинам славы и богатства. У большинства Хьюз ассоциируется с казино в Лас-Вегасе и компанией TWA. Но он был также человеком, положившим конец эре бесшабашных сорвиголов в воздухе и почти в одиночку открывшим эру коммерческой авиации…

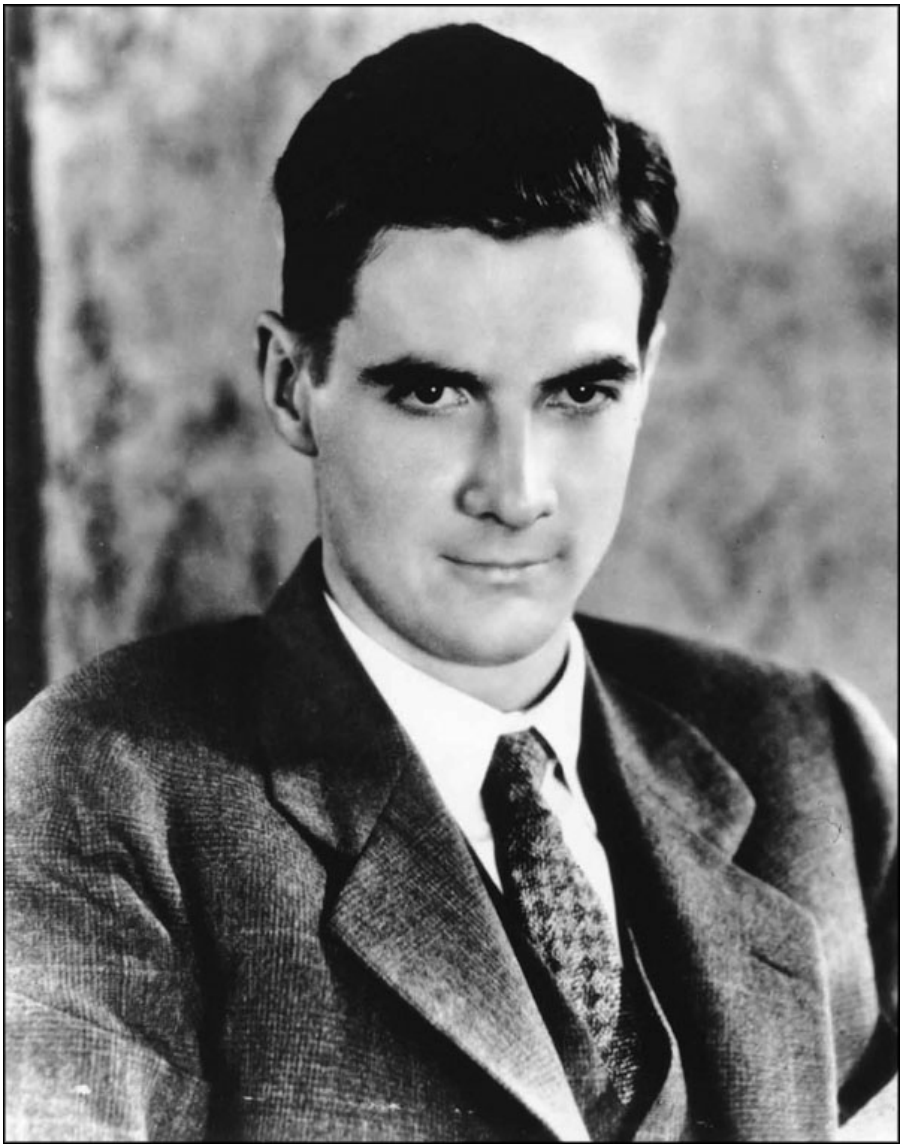
Этот «эксцентричный сумасшедший» вел жизнь, полную острых ощущений и провокаций. Он соблазнял многих известных всему миру женщин и мужчин, «покупал» губернаторов и конгрессменов, очаровывал

своим обаянием газеты и приобретал то, что не мог контролировать никаким другим способом.

Еще при жизни благодаря красивой внешности и страсти к игре Хьюз стал легендой. С помощью несокрушимой силы воли он построил обширную деловую империю, а затем использовал свои деньги для дальнейшей экспансии и приобретения влияния. Его мания приобретения в 60-е затмила все, когда-либо занесенное в анналы бизнеса.

Успех все-таки порождает успех, а Говард рано усвоил, что-то, чем нельзя овладеть другим путем, можно купить. Его самым успешным завоеванием стала крайне неортодоксальная покупка молодой голливудской звездочки Билли Дав, когда она была признана самой красивой женщиной Голливуда. Хьюзу она была нужна и как актриса, и как любовница, и он заплатил 325000 долларов (8 миллионов на сегодняшние деньги) ее мужу и ещё 335000 компании «Уорнер Бразерс» за ее контракт. Ее профессиональный контракт был заключен на пять фильмов; свои же обязанности в постели Дав выполняла непродолжительное время. Это приобретение оказалось не таким уж удачным, когда фильмы с ее участием с треском провалились, и она стала искать утешения в постелях ведущих голливудских актеров. Хьюз пришел в безумную ярость, обнаружив Дав с партнером по съемкам «Лица со шрамом» Джорджем Рафтом…

…У Хьюза была мания все держать под контролем. Он покупал друзей, любовниц, а однажды зашел так далеко, что купил целый отель, чтобы заполучить понравившийся ему пентхауз. В шестидесятые годы, когда его эксцентричность росла день ото дня, Хьюз, повинуясь порыву, сделал приобретение, которое станет основой будущего могущества. Владельцы отеля «Дезерт Инн» в Лас-Вегасе отказались поселить миллиардера в его любимом пентхаузе, поскольку он был забронирован для участников Турнира Чемпионов по гольфу Арнольда Палмера и Джека Николса. Придя в ярость, Хьюз тут же купил весь отель за 13,2 миллиона долларов и въехал в него 1 апреля 1967 года, в День Дураков. Он велел закрасить окна черным, отменил турнир по гольфу и традиционные пасхальные бега с яйцом в ложке и объявил крышу отеля и пентхауз своим местом жительства».



Самый эксцентричный жених миллиардер Говард Хьюз

Вот такой необычный и весьма напористый жених стал настойчиво добиваться благосклонности Лиз, полагая, что ее также можно купить – даже если цена окажется высокой (он вообще был убежден, что купить, сделать своим за деньги, можно абсолютно все!).

Самым успешным проектом Говарда стала покупка молодой голливудской звездочки Билли Дав

Нелюдимый Говард начал издалека, познакомившись и заручившись дружбой родителей Элизабет (к слову, 46-летний жених был примерно одного возраста с ними, однако эксцентричного Хьюза разница в возрасте с потенциальной женой не смущала). Он купил несколько дорогих картин в галерее Френсиса (разом ухнув на живопись невероятную по тем временам сумму – полтора миллиона долларов). Поводом блеснуть перед семейством Тейлор своим богатством стала не

только эта покупка, но и вечеринка по случаю приобретения картин, на которую Хьюз пригласил всю чету Тейлор. Праздник было решено устроить в городе Рино на западе штата Невада, где Хьюзу принадлежало несколько гостиниц. Именно там, на фоне горного кряжа Сьерра-Невада, Хьюз решил добиться благосклонности Элизабет.

Интерьер одной из комнат дома Хьюза

Однако его ухаживания были настолько странными, что Лиз возненавидела Хьюза. Так однажды днем, когда девушка расслабленно загорала в шезлонге у гостиничного бассейна, Говард, подкравшись, высыпал из саквояжа ей на грудь россыпь драгоценных камней (навел справки о том, как Элизабет любит бриллианты и решил отличиться).

Пока шокированная Лиз смотрела, как изумруды, рубины и сапфиры, гулко стукая, скатываются с ее груди и живота на керамические плиты пола, Хьюз возбужденно проорал ей прямо в ухо:

– Одевайся немедленно! Мы едем в церковь венчаться!

Вопреки ожиданиям находчивого жениха, Элизабет ужасно покоробило такое своеобразное предложение руки и сердца. Она смешалась, а затем брезгливо стряхнула с себя россыпь бриллиантов, молча встала и ушла в свой номер, продемонстрировав незадачливому ухажеру безупречную осанку

разгневанной, благовоспитанной девушки.

«– Одевайся немедленно! Мы едем в церковь венчаться!»

Поступок Хьюза так разозлил Лиз, что на следующее утро, когда секретарь Говарда принес ей в качестве извинения огромную корзину цветов, она разгневанно выставила посланца за дверь вместе с цветами: потребовав, чтобы Хьюз прекратил свои безумные выходки и вообще больше не показывался ей на глаза, пока она не уедет.

«Со временем начинаешь сожалеть о всех совершённых тобою грехах, и ещё о нескольких, которых не совершила…»

Однако решительный отпор красавицы только раззадорил магната: он снова и снова навещал родителей Элизабет, чтобы снова и снова просить ее руки. Во время последнего визита он пообещал даже купить молодой жене киностудию, а ее родителям выплатить за содействие в налаживании дела миллион наличными. Как непросто было Френсису ответить решительным отказом на такое заманчивое предложение. Однако он нашел в себе силы сказать, что его дочь не продается даже за такую астрономическую сумму. Позже отец Элизабет вспоминал:

> *– Я едва устоял, ведь это был величайший соблазн в моей жизни! Меня удержало лишь сознание того, что я уже не властен над Лиз…*

Сама Элизабет в своих мемуарах и интервью так вспоминала о Хьюзе:

> *«Мной заинтересовался не кто иной, как Говард Хьюз, самый богатый человек Америки. Мама от его предложения была в восторге (Хьюз предложил купить для меня собственную студию в обмен на замужество), я категорически отказалась. Хьюз удивительный человек, но*

совсем не в том, что мне нравилось.

– Мне все равно, сколько у него денег.

– Дорогая, их столько, что будут снимать фильмы с тобой в любых ролях. Разве это не заманчиво?

– Мама, если я буду успешно сниматься, то сделаю это и без Хьюза, а если буду просто женой, то никак не его! А миллионы заработаю и сама!

Я категорически отказалась, хотя рисковала, ведь Хьюз не прощал обид. Обошлось, видно, его заняли другие красотки, в любовницах Говарда Хьюза ходила добрая половина кинозвезд Америки и не только…

…Он был такой зануда! Да я за все его деньги не вышла бы за него. Те несколько раз, что мы с ним встречались, он только таращился куда-то в пространство перед собой и не ответил ни на один мой вопрос. А еще у него частенько бывал такой вид, будто ему срочно требуется ванна. Каждый раз, когда я его встречала, у него вечно были мятые брюки, которые к тому же болтались на нем, как на вешалке. Иногда он разгуливал в грязных кроссовках без носков, и из дыр наружу торчали пальцы».

«…если я буду успешно сниматься, то сделаю это и без Хьюза, а если буду просто женой, то никак не его! А миллионы заработаю и сама!»

Глава IV. Девушка с обложки

Первая свадьба Лиз

Элизабет о своем первом замужестве в девятнадцать лет: «У меня было тело женщины и чувства ребенка».

Монти Клифт, близкий друг Лиз, о ее первом браке: «*… Ты можешь выйти замуж хоть за обезьяну, если это сделает тебя счастливой, только предварительно убедись, что эта обезьяна тебя достойна*».

Юная Лиз была не из тех красивых девушек, которые чувствуют ответственность за все человечество: стремление вникать в суть вещей, служить возвышенным целям (широко заниматься благотворительностью, радеть за экологию и т. п.) пришло к ней десятилетия спустя, уже в зрелом возрасте. А в юности легкомысленная Элизабет увлекалась исключительно собой: своими съемками, платьями, духами и безделушками. Даже играя в серьезной, требующей осмысления драме (например, в экранизации «Американской трагедии Теодора Драйзера), Лиз не утруждала себя прочтением произведения и выяснением – о чем же все-таки будет фильм. Позднее ее дублерша вспоминала:

– Элизабет не относилась к людям, читающим газеты и слушающим радио: новости ее совершенно не интересовали. Вся ее жизнь сводилась к тому, чтобы блистать на съемочной площадке, развлекаться и менять наряды. Она была слишком юной и не знала, кто такие коммунисты. Зато прекрасно разбиралась в драгоценностях и кашемировых свитерах.

После окончания школы Голливуда, 1950 год

При этом, благодаря своей ослепительной внешности и уже сыгранным взрослым ролям, Лиз постепенно превратилась в некий символ – олицетворение идеальной американской женщины, мечты. Китти Келли рассказывает:

> *«…в 1949 году Элизабет Тейлор олицетворяла собой традиционные мужские фантазии. Она была головокружительно хороша.*
>
> *Бархатистая кожа и черные соболиные брови оттеняли глаза такой бездонной синевы, что те подчас казались фиолетовыми.*
>
> *У нее был идеальной формы носик и пухлые*

чувственные губы, будившие юношеские фантазии даже у зрелых мужчин, из-за них, случалось, даже серьезные поэты кропали слюнявые, душещипательные стишки.

На ее лице не было ни одного изъяна – единственной меткой на нем была лишь очаровательная родинка на правой щеке. При весе в 110 фунтов (около 50 кг), она была счастливой обладательницей размеров в 37-19-36 дюймов и малость привирала насчет своего роста, утверждая, что он составляет пять футов и четыре дюйма, хотя на самом деле едва дотягивала до пяти и двух. На экране она смотрелась высокой и стройной, поэтому ее настоящий рост был не так уж и важен. Источая ауру физической притягательности, она действительно была той самой девушкой, о которой в душе мечтает каждый американский парень. Элизабет Тейлор была идеальной женщиной. Она являла собой тот тип красоты, который сочетает в себе все, о чем только может мечтать человек, – богатство, славу, положение в обществе».

«…источая ауру физической притягательности, она действительно была той самой девушкой, о которой в душе мечтает каждый американский парень», – Кипи Келли

Если сравнить молодую Тейлор с шикарным особняком, то можно сказать, что за прекрасным фасадом скрывались совершенно пустые комнаты: мышление юной Элизабет было поверхностным, она не задумывалась над тем, в каком мире живет и каких людей играет. Поэтому у ее персонажей не было души и единственной зацепкой для зрителя оставалась эталонная внешность экранных красавиц, сыгранных Лиз. До глубин

сознания юной звезды пытались достучаться режиссеры, с которыми она работала и ее старшие друзья. Так, например, голливудский актер № 1 того времени – Монти Клифт, с которым Элизабет сдружилась на съемочной площадке, постоянно тренировал Лиз, заставлял ее сосредотачиваться, задумываться над переплетениями судеб героев, анализировать материал, с которым приходилось работать и раскрывать свой небольшой актерский талант в полной мере.

Элизабет Тейлор, Монтгомери Клифт и Шелли Уинтерс на съемках фильма «Место под солнцем»

Во время съемок нашумевшего позже фильма «Место под солнцем» (по мотивам знаменитой «Американской трагедии») Элизабет, все так же мечтающая выйти замуж, начала встречаться еще с одним красавчиком-миллионером – Ником Хилтоном, наследником империи Хилтон – сети отелей «премиум-класса». Роман на фоне роскошных декораций, олицетворяющих жизнь состоятельнейших американцев, разворачивался стремительно: играя в фильме роль богатой девушки из влиятельной семьи, Элизабет так вжилась в этот образ, что теперь не выходила из него даже за пределами съемочной площадки. И легкомысленной, «открыточной» девушке, которую теперь круглосуточно играла Лиз, был нужен именно такой парень, как Ник Хилтон: яркий, известный, ведущий богемный образ жизни, сорящий деньгами, не обремененный излишним интеллектом… Со 23-хлетним

Ником, Элизабет познакомилась на одной из Голливудских студий, позднее она рассказывала об этой встрече:

> *– Мы сразу понравились друг другу, хотя это и не назовешь любовью с первого взгляда. Ник пригласил меня в кино. Затем мы обнаружили, что оба любим танцевать. Мы встречались довольно часто – на пляже, устраивали вечеринки с нашей компанией. Ну и вскоре я поняла, что впервые по-настоящему влюбилась.*

«.. Мы сразу понравились друг другу, хотя это и не назовешь любовью с первого взгляда»

После того как семейство Тейлор познакомилось с семьей жениха и побывало в особняке Хилтонов, Сара, сраженная наповал их осязаемым и видимым-невидимым богатством, начала настойчиво советовать дочери остановиться на Нике. Она искренне полагала, что такому бриллианту как ее дочь необходима достойная, роскошная оправа. Китти Келли

рассказывает, как потрясена была в душе Сара (внешне она, конечно не подала и виду), когда впервые попала к Хилтонам:

«… Сара Тейлор не верила собственным глазам – она шла по роскошному, в шестьдесят четыре комнаты, особняку Конрада Хилтона в районе Бельэйр. Слуги в смокингах, словно одуванчики после весеннего дождя, вырастали прямо из-под земли. На каждом шагу раскланивались лакеи, а из шестнадцати спален-люксов то и дело выбегали одетые в форменные платья горничные. В доме было двадцать шесть ванных комнат, четыре лифта для подачи кушаний из кухни в столовую, пять кухонь, пять баров с напитками и двенадцать каминов, отделанных мрамором двенадцати различных оттенков.

«И каждая дверная ручка, каждый кран в этом доме покрыты четырнадцатикаратным золотом», – докладывала Сара приятельнице. Фрэнсис Тейлор находился под не меньшим впечатлением от старинных бронзовых статуй работы индийских мастеров четырнадцатого века, которые украшали собой вестибюль, от китайских ваз эпохи Минь в фойе и французских полотен восемнадцатого века в гостиной.

Элизабет невольно ахнула, увидев главную спальню с ее обтянутыми золотым шелком стенами, золотыми покрывалами и шторами, золотистым кашемировым ковром на полу и камином из зеленоватого итальянского мрамора.

«Ой, Ники, – прошептала она. – Я своим глазам не верю – какая дивная красота!»

Двадцатитрехлетний Кондрад Николсон Хилтон, сын председателя корпорации отелей «Хилтон», пригласил невесту и ее родителей на обед в дом отца. Он провез их по Белладжо-Роуд, затем через чугунные ворота в свои владения, по подъездной дорожке мимо бронзовых фонтанов, стройных сосен и дорических колонн. Было слишком темно, и гости не смогли рассмотреть розарий, где росли пять сотен розовых кустов, однако жених указал на корт для игры в бадминтон, бассейн и теннисный корт, которые на ночь освещались. Хилтон-младший пояснил, что ему потребовалось бы два часа, чтобы провести гостей по всему дому и прилегающему к нему участку размером в восемь с четвертью акров, поэтому, как выразилась Сара, он лишь «пробежался по

главным достопримечательностям»…

…Как наследник хилтоновского состояния, Ники был бы именно тем зятем, о каком только могла мечтать Сара Тейлор. Она с замиранием сердца ждала очередного приглашения в «дом Конни», как она теперь называла дворец в Белъэйр, и с наслаждением предавалась красивой жизни в ночных клубах вроде «Мокамбо», куда Конрад Хилтон нередко приглашал Тейлоров».

Первым приобретением Конрада Хилтона был отель The Mobley, в городе Сиско штата Техас. 1919 год

Отец Ника, Конрад Хилтон, гостиничный магнат, поднялся с самых низов, самостоятельно построив свою империю с нуля. Экстравагантный миллионер жил на широкую ногу, охотно и с удовольствием сорил деньгами и уважал будущую невестку за то, что она умеет не только тратить, но и зарабатывать деньги.

Кроме того, бывшему жителю городских трущоб, Хилтону-старшему очень льстило, что его сын смог покорить столь красивую и популярную женщину, кинозвезду мирового значения: он тепло встречал и саму Элизабет, и ее родственников и всячески поощрял ухаживания сына. Его вторая жена, Заза Габор, вспоминала:

– Конни постоянно хвастался, что Элизабет зарабатывает на MGM две тысячи долларов в неделю и по три тысячи долларов за каждое выступление по радио. – Еще бы, ведь единственное, что его интересовало – это

как делать деньги!

С одобрения отца Ник Хилтон осыпал невесту роскошными подарками: от драгоценностей до всяких приятных и полезных мелочей и даже путешествий! Элизабет рассказывала:

> *– …Сначала это были бриллиантовые с жемчугом серьги, подаренные на Рождество. За ними последовали грампластинки, кашемировые свитера, набор клюшек для гольфа, поездка на озеро Эрроухед и, наконец, кольцо с бриллиантом размером в пять карат к помолвке и второе, платиновое, с бриллиантами, за 10 тысяч долларов – к свадьбе.*

Свадьба Элизабет Тейлор и Ника Хилтона. 5 июня 1951 года

Накануне свадьбы Элизабет пришлось принять католичество, потому что Ник, как выяснилось, жениться хотел непременно на целомудренной католичке (хотя сам особого рвения к церкви не проявлял, даже бывал там отнюдь не часто, предпочитая проводить время в кабаках и обществе многочисленных, легкодоступных женщин).

Отца Элизабет беспокоило и это вынужденное католичество и репутация будущего зятя, который слыл кутилой, скандалистом и волокитой.

Френсис убеждал жену и дочь отложить свадьбу до совершеннолетия Лиз (которое по американским законам наступает в 21 год), получше присмотреться к жениху, однако Элизабет была непреклонна:

> *– У меня нет ни малейшего сомнения в том, что Ник – это тот единственный, с кем я готова прожить всю свою жизнь. Я познакомилась с ним в октябре прошлого года, и с тех пор между нами не было ни единой ссоры или малейшего непонимания. С каждым днем я люблю его все сильнее. Будь это не так, я бы не стала выходить за него замуж в церкви, к которой принадлежит он, и которая в глазах божьих признает лишь только один брак на всю жизнь.*

Сара тоже не разделяла страхов осторожного отца Лиз, хотя по идее должна была бы, ведь слухи о скандальном нраве будущего зятя в первую очередь всегда достигали именно ее ушей. Сара не верила историям о его пьяном безрассудстве, о том, какие гигантские суммы он оставляет бессонными ночами в казино и какую разгульную жизнь ведет, она удобно для себя считала, что все эти сплетни – вымысел завистников. Позднее она вспоминала:

> *– Он был само очарование. Ну как нам было его не любить!*

«Он был само очарование. Ну как нам было его не любить!»

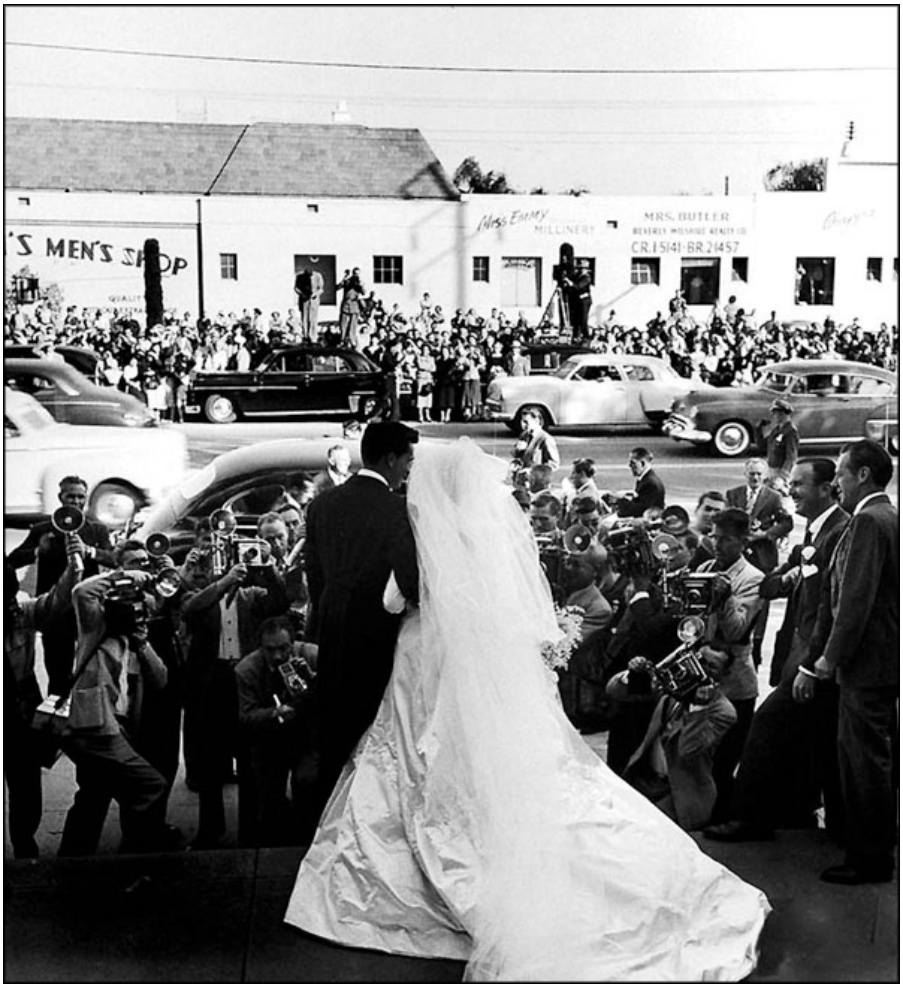
Журналист Фрэнк Фаррел, приятель Сары, близко знавший Ники, рассказывал:

> *– Многие люди пытались предостеречь Сару, говоря, что старший сын Конни Хилтона слишком избалован, чтобы на него можно было положиться. Я лично говорил ей, что Ники только и знает, что напивается до бесчувствия или режется в карты с Гленом Маккарти». И Боб Консидайн тоже пытался убедить ее, но Сара и слышать ни о чем не желала. Ники был наследником*

миллионного состояния, и этим все сказано.

Как выяснилось уже после свадьбы, у мужа Элизабет были гораздо более существенные недостатки, чем те, которыми пугали Сару доброжелатели: оказалось, что у Ники вздорный и прескверный нрав, ярко выраженная лудомания и вполне себе сформировавшаяся наркотическая зависимость. Однако накануне главной свадьбы года будущей теще миллионера (впрочем, как и всем, кто окружал его избранницу) виделся симпатичный, веселый юноша, предупредительный и снисходительный к актерству Элизабет и ее тяге к ярким, откровенным нарядам.

Пятого июня 1951 года Элизабет вышла за Хилтона, сразу почувствовав на себе, что такое – быть женой миллионера. В ее распоряжении сразу оказались: роскошный белый «Каддилак», огромное количество ценных бумаг, необъятный гардероб (уникальные меха, редкие драгоценности, вещи от кутюр). А ушлые публицисты студии MGM приложили все усилия, чтобы бракосочетание кинозвезды и миллионера стало главным событием года в светской жизни Голливуда. И хотя брак продлился всего 205 дней, свадьбу эту в светских кругах вспоминали долго: она совпала с выходом нашумевшего фильма «Отец Невесты», где Лиз играла главную роль.



Счастливые молодожены выходят под вспышки фотоаппаратов и радостные крики толпы

Платье для свадьбы стоило 1500 долларов, а его изготовление заняло два месяца

Студия MGM специально выпустила фильм в прокат день в день с бракосочетанием Элизабет и Ники, получив эксклюзивное право тиражировать свадебные фотографии знаменитой пары. Такое совпадение позволяло сделать кассовые сборы новой картины максимальными, а свадьбу – самым заметным для американского обывателя событием года. Биограф Китти Келли рассказывала:

> *«…Для начала студия объявила о своем намерении преподнести Элизабет в качестве свадебного подарка роскошное платье, в котором та могла бы прошествовать к алтарю. Честь создания этого*

фантастического наряда стоимостью в три с половиной тысячи долларов выпала Хелен Роуз.

Студия также объявила о том, что миссис Роуз сошьет желтые платья для семи подневестниц и наряд из шифона для матери невесты. Как только эта новость вышла в эфир, Эдит Хед по телефону сообщила о том, что «Парамаунт» попросил ее сшить невесте в качестве подарка наряд для свадебного путешествия.

Компания «Горхем Силвер» предложила невесте серебряный сервиз из сорока пяти предметов, если та согласится позировать для рекламы ее продукции. Элизабет с радостью принимала все, что попадало ей в руки, включая норковые шубы для себя и матери. В отличие от нее, Ники Хилтон был раздосадован:

«Когда мы поженимся, я не позволю моей жене принимать подобных подарков», – заявил он.

Тем не менее, последние сыпались на Элизабет как из рога изобилия. MGM объявила о еще более щедрых подношениях, таких как, например, кольцо с жемчугом стоимостью в 65 тысяч долларов от дяди Говарда Янга и сто акций хилтоновской корпорации от Конрада Хилтона.

Чтобы сложить все эти многочисленные дары, Тейлорам пришлось вынести из гостиной всю мебель.

«Мне ужасно понравилось выходить замуж, – заявила Элизабет. – И для меня важна буквально любая мелочь. Свадебное платье мне шьет Хелен Роуз, и каждое утро я начинаю с того, что обсуждаю с ней каждый шовчик!»

Будущая невеста настаивала на том, чтобы Хелен Роуз сделала в подвенечном платье вырез поглубже, но модельер стремилась соблюсти приличия.

«Это церковное бракосочетание, – возражала она. – И ты должна выглядеть как настоящая леди».

В конечном итоге был достигнут компромисс. Вырез сделали поглубже, но само декольте затянули прозрачным белым шифоном.

Пресс-служба студии сообщала о грядущей свадьбе как о самой экстравагантной в истории Голливуда. Все до единого обитатели кинематографической колонии понимали, что это событие попадет на страницы газет и журналов по всему миру и поэтому стремились попасть в число избранных. К каждому приглашению прилагалась небольшая белая карточка, которую гости должны были предъявить полиции, чтобы попасть в церковь. За неделю до свадьбы число приглашенных насчитывало шестьсот

человек…

…Сказочная свадьба должна была состояться в субботу 6 мая в церкви Доброго Пастыря в Беверли-Хиллз. Лиз уже подписала все бумаги, необходимые для того, чтобы сочетаться браком с католиком, но поскольку ей еще только предстояло пройти обряд крещения, торжественная брачная месса не могла быть отслужена у алтаря. Вместо этого в пять часов пополудни обряд бракосочетания намечалось провести по эту сторону алтарной ограды.

По оценкам полиции, утром того дня возле церкви собралось более трехсот тысяч поклонников. Старушки принесли с собой складные стулья. Молодежь забиралась повыше на деревья, росшие вдоль бульвара Санта-Моника. «Метро-Голдвин-Майер» выделила силы поддержания правопорядка во главе с Уайти Хендри, чтобы вместе с полицией Беверли-Хиллз сдерживать натиск толпы.

Накануне свадьбы невеста подхватила простуду и слегла в постель, получив врачебное предписание на уколы пенициллина. На следующее утро начали поступать телеграммы с пожеланиями любви и счастья, а заодно и новые подарки – шесть серебряных кофейных сервизов, три набора столового серебра и 472 изделия из хрусталя».

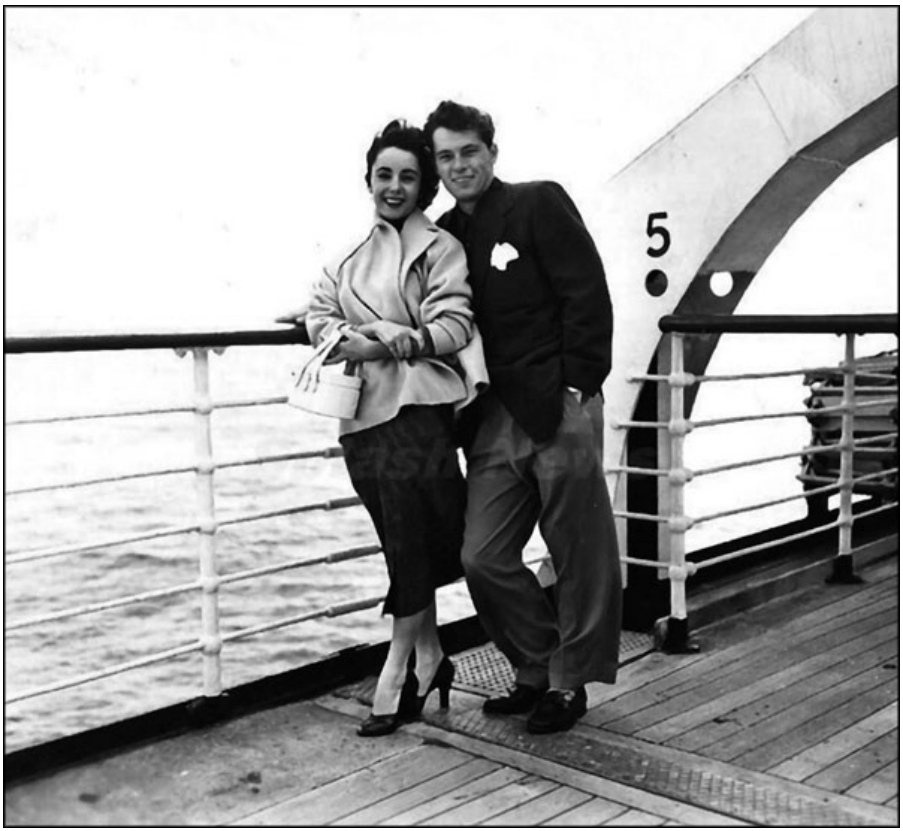
Элизабет Тейлор поправляет бабочку Монтгомери Клифту на голливудской премьере «Наследницы». Октябрь 1949 года

Когда помпезное м многолюдное свадебное торжество подошло к концу, Элизабет чувствовала себя на седьмом небе, она то и дело повторяла:

– Боже, как же я счастлива!

И на прощание, целуя мать перед тем, как сесть в роскошный свадебный лимузин, Лиз убежденно произнесла:

– Мама, мы с Ники будем неразлучны до конца наших дней!



«…Даже на корабле народ преследовал ее по пятам, умоляя дать автограф. Ники все это бесило, он с каждой минутой все сильнее выходил из себя», – миссис Вессон

Однако семейная жизнь с Хилтоном оказалась совсем не такой, как мечталось юной романтичной особе. Еще не окончился медовый месяц пары (который они провели в путешествии на роскошном круизном лайнере), как Хилтон стал груб, раздражителен, несдержан. Друзья пары, путешествующие вместе с Хилтоном и его молодой супругой, все чаще становились свидетелями безобразных ссор между Ники и Лиз, миссис Бессон вспоминала:

– Даже на корабле народ преследовал ее по пятам, умоляя дать автограф. Однако Ники все это бесило, он с каждой минутой все сильнее выходил из себя. Лиз же, которая в нем души не чаяла – видит бог, она была от него просто без ума, – не могла понять, отчего он злится,

и сильно обижалась. Она, бывало, начинала плакать: «Ну почему он все так воспринимает? Ведь когда мы поженились, он же знал, что я знаменитая кинозвезда. Он знал, что я Элизабет Тейлор. Ну почему он сейчас так злится?

Хилтону быстро надоело всегда быть в центре внимания, да и прелести юной жены ему, искушенному повесе, довольно быстро наскучили и он вернулся к привычным развлечениям – рулетке, картам и выпивке.

Бедная Лиз ласкалась к мужу (интимная жизнь стала для нее удивительным открытием), однако он все чаще отталкивал ее, грубил и говорил страшные для молодой, неискушенной и впечатлительной особы вещи.

Ее подруга по круизу Мелисса Бессон вспоминала:

– Она была такая ласковая, ей постоянно хотелось обнимать Ники, целоваться с ним, его же, наоборот, это только раздражало. Больше всего ее обижало то, что он все чаще отказывался заниматься с нею любовью. А ведь она просто обожала это занятие! И дело не просто в сексе как таковом – главным для нее всегда оставались ласка и нежность, а он, можно сказать, оттолкнул ее от себя. Она начинала его умолять, а он даже слышать ее не хотел. И тогда Элизабет давала волю слезам и, рыдая, врывалась к нам в номер. Случалось, она забиралась к нам в постель и проводила всю ночь вместе со мной и моим мужем.

Белый кадиллак Хилтонов

В Европе путешествующих молодоженов встретила бывшая подружка невесты, Бетти Салливан, которую поразили перемены, произошедшие в отношениях пары:

> *– Он был настроен совершенно враждебно, относился к Элизабет с подчеркнутым равнодушием. Казалось, что он всем своим видом стремился доказать ей, что она ровным счетом ничего для него не значит. Мы там повстречали трех моих тогдашних знакомых из Принстона, и все вместе отправились кататься на водных лыжах. Ники обычно спал до полудня. Он ужасно разозлился, узнав, что Элизабет пошла вместе с нами. Все ночи напролет он просиживал в казино. Однажды я увидела, как он, пробудившись после полудня, спускался по лестнице, и Лиз, заметив его, через весь вестибюль бросилась ему на шею. Он просто отмахнулся от нее, как от назойливой мухи. Было невыносимо наблюдать эту сцену. Для нее, конечно, это явилось настоящей моральной травмой.*

Еще во время медового месяца Элизабет окончательно поняла для себя, что ее брак оказался провальным, и она даже заболела,

потому что больше всего на свете боялась разговора с матерью. Она впала в депрессию, начала курить, практически перестала есть… Желтая пресса с удовольствием смаковала скандальные истории про истеричную кинозвезду и ее грубияна-мужа, Лиз понимала, что все это читает Сара, и от этого ей становилось еще хуже.

Когда лайнер с молодоженами, возвратившимися из 14-ти недельного свадебного круиза, подошел к нью-йоркскому порту, где на пристани, скорбно сжав губы, стояла Сара, Элизабет лишилась чувств. Она знала, что мать на этот раз не сыграет в ее команде, обвинит в проблемах с мужем ее одну и приложит все усилия, чтобы сохранить свой статус тещи миллионера. Так и случилось: прямо в больничной палате, куда Элизабет попала с корабля, Сара отчитала дочь, сказав, что той пора уже повзрослеть. И то, что Ники «слегка избалован», совершенно не помешает ему со временем стать идеальным мужем и отцом. И что в их семье никогда, НИКОГДА не было ни одного развода!

Элиз с мужем в Париже во время медового месяца. 31 мая 1950 года

Однако Хилтон-младший уже неоднократно пожалел о том, что женился на кинозвезде. Ему осточертели нескончаемые выходы, на которых он должен был появляться с женой, его очень раздражал и угнетал его неожиданный новый статус – «муж Элизабет Тейлор»: из парня № 1, наследника многомиллионной империи он вдруг превратился в довесок, чуть ли не в аксессуар

великой женщины. Одна из родственниц Ники, Мерилин Баррон-Хилтон, рассказывала:

– Его ужасно задевало то, что в первую очередь он известен как муж Элизабет Тейлор. Его бесило, когда к нему обращались мистер Тейлор. Ведь он привык, чтобы перед ним все ходили на задних лапках. У Ника был ужасный характер, и временами его поведение становилось просто невыносимым, хотя умел быть и нежным, и ласковым, ну просто душкой.

Но Лиз, которая в те дни была крайне наивна, беспрестанно донимала меня недоуменными вопросами: «Мэрилин, ну как он может, то сначала такой ласковый, такой милый, то набрасывается на меня с воплями, как сумасшедший?» И тогда я советовала ей набраться терпения – ведь Ники вырос с отцом, без матери, и временами бывал просто невыносим, но Элизабет никак не удавалось набраться терпения, потому что ей хотелось, чтобы с ней возились все двадцать четыре часа в сутки, а Ники это было не по силам…

…Всякий раз, стоило Лиз выйти из себя, как она, громко топая, бросалась вон из комнаты. Во время их медового месяца в Европе она бросала Ника три или четыре раза. Однажды Баррон оказал брату, что если тот не изменит своего поведения, то наверняка ее потеряет, но Ник только отмахивался: «Она вернется, она всегда возвращается».

Тейлор на премьере фильма «Дама с огнем» в театре Warner в Лондоне. 22 сентября 1951 года

Однако пришел день, когда Элизабет не возвратилась. Это случилось после семи месяцев ужасного брака: одной беременности, закончившейся выкидышем, нескольких десятков безобразных, громких ссор между супругами, ряда попыток «начать все сначала», закончившихся еще большим отчуждением…

Автомобильный кинотеатр, Лос-Анджелес, 1958 год

Сара и Френсис узнали о разводе дочери из газет, совершенно случайно: на главной странице «Лос-Анджелес Икземинер» состряпанное публицистами от ее имени лаконичное заявление:

> *«Мне искренне шаль, что мы с Ники категорически не сошлись характерами и в конечном итоге вынуждены расстаться друг с другом. Мы оба весьма сожалеем об этом решении, но все как следует взвесив и обсудив, отлично осознаем, что наше примирение невозможно».*

О своем браке с Хилтоном Лиз рассказывала в одном из интервью:

> *– Все было немыслимо красиво и роскошно – мое платье, в точности повторившее платье из фильма, множество цветов, публика, подарки, само венчание… Правда, утром в день церемонии вдруг явился Уильям Поули, потребовав разговора со мной. Мама хотела запретить, но я согласилась. О чем мы говорили? Я много лет молчала о своем первом браке и, конечно, о тех предупреждениях, которые выслушала от Уильяма. Ники игрок, пьяница и наркоман… к тому же крайне жесток в*

подпитии… А еще перед приятелями похвалялся, что завяжет меня в узел, заставив сидеть дома и нянчить сопливых детишек, в то время как он сам будет продолжать прежнюю жизнь…

Я не помню дословно, но суть была именно такова. Если я выйду за Ники, то быстро пожалею об этом.

– А если за тебя?

Я вышла за Ники. Промокнула слезы, обновила макияж и со счастливой улыбкой пошла к алтарю. К сожалению, Уильям в своих предупреждениях оказался прав. Ники Хилтон действительно бесился, когда моя известность заслоняла его, много пил и не брезговал наркотиками. Толпы папарацци с фотокамерами были для моего мужа равносильны красной тряпке для быка. А злость он вымещал на мне.

Будучи в ярости, Ники пускал в ход кулаки и даже ноги. Залитый кровью пол в ванной… потеря ребенка… и бесконечные проблемы из-за этого впоследствии…

Через девять месяцев после роскошной свадьбы нас официально развели…

«Через девять месяцев после роскошной свадьбы нас официально развели…»

Элизабет так и не осмелилась позвонить матери сама. Вскоре после развода она ушла из дома на съемную квартирку, ультимативно заставила студию MGM уволить Сару и навсегда порвала с родителями.

Глава V. Птичка на свободе

Прожигательница жизни

Пожалуй, я наконец стала взрослой – и как раз вовремя.

Элизабет Тейлор

В долгожданную свободную жизнь Элизабет Тейлор вошла в состоянии мучительной неуверенности в себе. Она стремилась окружить себя веселой компанией, меняла наряды, – один экстравагантнее другого, вступила в модный кружок молодых тусовщиков «Клуб Лисятины и Лососятины», в котором состояли все голливудские звезды того времени… И даже завела себе ухажера – талантливого, бедного, как церковная мышь, режиссера Стенли Донена (ведь она теперь точно знала: не в деньгах счастье!). Один из членов кружка, комедийный сценарист Мартин Рагауэй, вспоминал:

– Чтобы вступить в ряды избранных, полагалось устроить шикарный завтрак. Затем мы по воскресеньям ходили из дома в дом – вкусно покушать и от души повеселиться. В одно из воскресений завтрак устраивали Элизабет и Стенли, в квартире у Лиз. Мы все ждали, когда сценарист Стенли Роберте принесет столовое серебро и тарелки, и мы приступим к еде. Через час Элизабет не на шутку рассердилась. «Ах, как я зла на Стенли, он заставляет нас ждать. С каким удовольствием я сейчас запустила бы ему в физиономию вот этим!» – и она указала на огромный шоколадный торт с голубым кремом. Я рассмеялся и пропустил ее слова мимо ушей. Но когда через несколько минут в дверях появился Стенли, Элизабет бросилась через всю комнату, схватила торт и швырнула его бедняге в лицо.

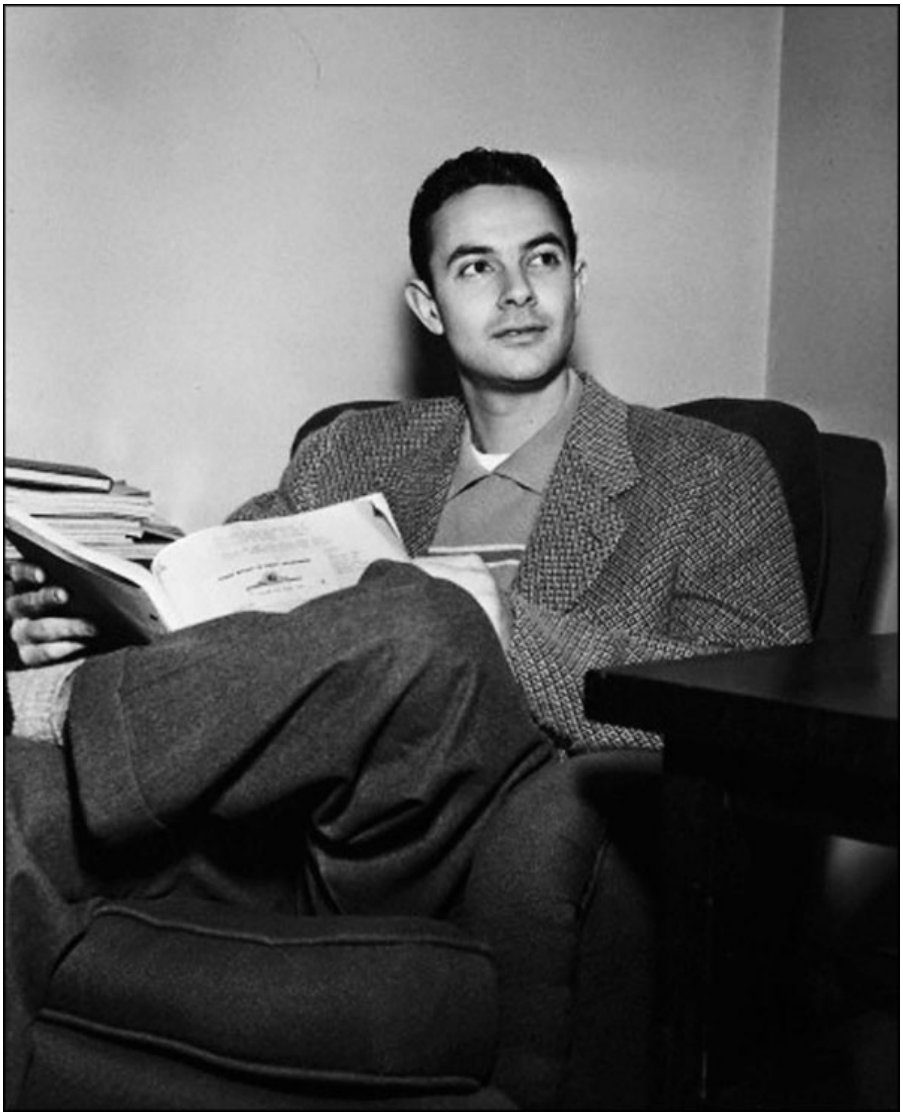
Он стоял, весь заляпанный кремом, и был вне себя от бешенства. Все остальные присутствовавшие от неожиданности буквально потеряли дар речи. До бедной Лиз наконец дошло, что все это вовсе не смешно, и она разрыдалась, в ужасе от того, что совершила непростительный поступок.

После этого случая «Клуб Аисятины и Аососятины» прекратил свое существование, несмотря на то, что Стенли позже послал ей цветы и записку с извинениями в том, что стал виновником ее слез.

Странные поступки, связь с женатым Доненом, разрыв с семьей и эпатажное поведение (наряду с привычкой отпускать на людях грязные словечки) сделали девятнадцатилетнюю Элизабет Тейлор мишенью для светских сплетен, многочисленных публикаций в желтой прессе и недобрых пересудов. В одном из интервью того времени Лиз ответила всем своим недоброжелателям:

> *– Я знаю, что я избалована, но, как мне кажется, люди ко мне излишне суровы. Я всего лишь обыкновенная девушка, со своими достоинствами и недостатками, но поскольку я еще и кинозвезда, то у меня не было возможности развиваться, как все нормальные люди. Я с четырнадцати лет ношу платья с глубоким вырезом, и с тех самых пор окружающие ждут, что я буду вести себя соответствующим образом. Все мои беды начались с того, что у меня тело женщины и эмоции ребенка…*

1951 год. Накануне Рождества



Став снова свободной, Лиз начала встречаться с режиссером Стенли Доненом

Несмотря на все свои недостатки, на нарочитую вульгарность и грубость (которые стали защитной броней неуверенной в себе женщины, отвергнутой новобрачной) Элизабет была очень сердечна и щедра с теми, кого любила. Биограф Китти Келли рассказывает:

> «С *теми, кого она любила, Элизабет бывала безгранично щедра, осыпая их дорогими подарками.*
>
> *Марджори Диллон, дублерша Лиз, вспоминает, как однажды Элизабет буквально ворвалась в магазин и,*

заметив какое-то украшение, воскликнула: «Оно словно создано специально для тебя. И я его тебе куплю». И она тотчас, не раздумывая, выписала чек».

Кроме этого, Элизабет подарила своей дублерше шелковый костюм к свадьбе, набор сумок и чемоданов и пеньюар для первой брачной ночи.

«Она вечно покупала что-то для других людей, – продолжает Марджори Диллон. – Я помню, что когда ей было шестнадцать, она хотела купить матери кадиллак. Питер Лоусон отправил ее куда-то на бульвар Уилтшир, и Лиз попросила своего агента, чтобы он ее деньгами заплатил за автомобиль. Ей даже не пришло в голову потребовать каких-нибудь скидок. Она только воскликнула: «Если бы вы знали, как обрадуется мама! У нее до этого еще ни разу не было такой машины!»

В более поздние годы Элизабет, желая облагодетельствовать друзей, нередко отправляла их за свой счет в кругосветное путешествие, селила в первоклассных отелях, горничным сундуками дарила дорогие наряды, а секретаршам, парикмахершам и пресс-агентам – шикарные шубы. Нередко ее щедрость вводила в смущение тех, кого она одаривала, – ведь человек понимал, что никогда не сможет отблагодарить ее соответствующим образом. Но даже эти крайности свидетельствуют о той внутренней неуверенности в себе, которую Элизабет стремилась хоть чем-то компенсировать.

«Подсознательно она стремилась привязать к себе людей – пусть даже при помощи подарков, а может быть, это был единственно доступный ей способ выразить свою любовь», – вспоминала одна из ее знакомых.

«Все мои беды начались с того, что у меня тело женщины и эмоции ребенка»

Жизнь разведенной красавицы была пестра, полна мужчин и вечеринок, легкомысленна. Лиз, казалось, отдыхает от многолетнего материнского гнета, от многомесячного стресса, которым обернулось ее первое замужество. Однако она все равно хочет замуж, заявляя:

– Замужем я чувствую себя гораздо счастливее, чем в одиночку.

Однако пока сердце красавицы свободно, и она позволяет себе все то, от чего у Сары и публицистов случился бы удар, узнай они обо всем, что вытворяет Лиз. Актер Френк Фаррел, близко знавший Тейлор, рассказывает:

> *– Элизабет была большой любительницей поозорничать. Когда она гостила в Нью-Йорке, я как-то раз взял ее с собой на одну вечеринку, после которой должен был состояться бал – его давал кто-то из семейства Рокфеллеров. Мы взяли у входа по рюмке и направились в зал. И в тот момент к нам подошла хозяйка и поинтересовалась у Элизабет, чего бы ей хотелось выпить.*
>
> *«Ой, я не пью, – ответила Элизабет. – Но я бы не отказалась от жевательной резинки».*
>
> *«Весьма сожалею, мисс Тейлор, но я не позволяю в моем доме жевать резинку», – сказала хозяйка.*
>
> *«Лиз считала подобные вещи ужасно смешными, она вечно пыталась застать меня врасплох какой-нибудь своей очередной выходкой.*

Нью-Йорк. 1950 год

Еще один друг Элизабет, актер Мерфин Гриффин, также вспоминает:

> *– У Лиз было весьма специфическое чувство юмора, она обожала дать кому-нибудь по морде, плюнуть в лицо и получить в ответ то же самое. Может, это как-то*

связано с ее неистощимой половой энергией – кто знает?

…Однажды я пригласил ее на обед. Ей нравилось издавать отрыжку – достаточно громко, чтобы это заметили ее поклонники, но не настолько, чтобы те начали перешептываться между собой: «Не может быть, чтобы это делала она.

Все это движение нужно Элизабет лишь затем, чтобы не успевать прислушиваться к собственной душе, чтобы не чувствовать, как она болит. Позже Тейлор вспоминала этот период:

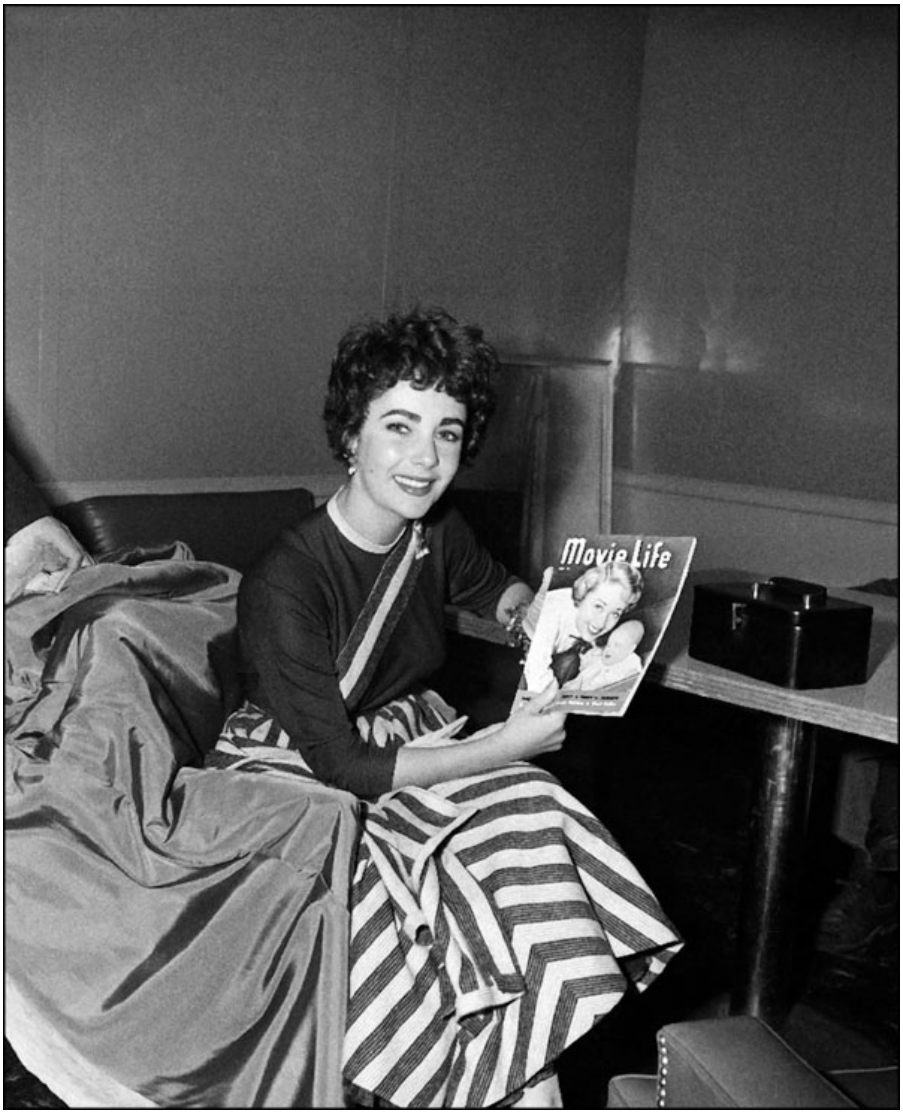
– Вы просто делаете свое дело.

Вы заставляете себя подняться.

Вы заставляете себя переставлять одну ногу вперед другой и, черт возьми, вы отказываетесь поддаться этому.

Вы боритесь. Вы кричите. Вы ругаетесь.

И Вы продолжаете жить. Именно так я поступала. Нет другого пути.



Актриса держит в руках журнал «Movie Life», где опубликована статья о ней. 18 февраля 1952 года

Абсолютный джентльмен

Вкус формируются постепенно. Лет двадцать назад мне случалось выходить замуж за мужчин, которых нынче я бы не пригласила к себе на обед.

Элизабет Тейлор

Обеспокоенные размерами и количеством пятен на репутации своей актрисы, публицисты из MGM (к тому же постоянно подстегиваемые Сарой, встревоженной наличием женатого, нищего бойфренда) принимают стратегическое решение – отправить Элизабет сниматься как можно дальше от Лос-Анджелеса – в Англию. Там для Лиз начинается работа над историческим приключенческим костюмным фильмом «Айвенго», где она должна сыграть прекрасную юную еврейку – Ревекку, избранницу главного героя. По началу Элизабет категорически не хочет никуда ехать, а приехав, не испытывает ни малейшего желания играть. Однако вскоре идея уже не кажется ей такой уж плохой, позже она вспоминает:

– С мамой мы поссорились, она не только мешала мне сниматься, но и старательно уговаривала помириться с Ники. С этого времени мама уже больше не опекала меня на площадке, тем более, побывав замужем, я больше не считалась несовершеннолетней и не нуждалась в опекунше. Видимо, чтобы избежать скандала с ее стороны, студия все же выплачивала маме зарплату якобы за работу со мной. А меня саму от греха подальше отправила на съемки фильма «Айвенго» в Англию, дабы я не смущала умы неустойчивых американских режиссеров и сыновей миллионеров. Я с удовольствием уехала и не только снялась в фильме, но и… снова вышла замуж. И снова со скандалом. Я не скандалила, вовсе нет, но второй раз за столь небольшой срок оказалась разлучницей.

Элизабет Тейлор и Стенли Донен. Май 1951 года

Китти Келли рассказывает:

> *«Продюсером «Айвенго» был Пандро Берман – тот самый, который был продюсером лент «Нэшнл Велвет» и «Отец невесты». Он вспоминает, как Элизабет громко топала ногами и встряхивала кудрями, пытаясь остаться дома. «Затем она заставила своего врача позвонить нам, чтобы он сказал, что у нее колит и в начальной стадии – язва, – и вообще, она едва начинает выздоравливать после*

нервного срыва. Мы убедили врача, что отлично о ней позаботимся и не будем слишком нагружать ее.

Как только мы оказались в Лондоне, съемки пошли довольно гладко, однако нам никак не удавалось добиться от Элизабет хорошей игры. Она никак не могла сработаться с режиссером Ричардом Торпом. Ему отлично удавались зрелищные сцены, а вот с Лиз у него не было абсолютно никакого взаимопонимания, он не умел подольстить ей, чтобы добиться от нее того, что ему было нужно.

Он как-то пришел ко мне и сказал, что ему не удается добиться от нее даже мало-мальски сносной игры – это бросалось в глаза уже при просмотрах отснятого материала, – однако я моментально принял решение продолжать съемки. Я сказал ему, чтобы он снимал дальше, стараясь по возможности добиваться лучшего результата. Затем, когда работа была закончена и мы вернулись в Штаты, я был вынужден отправиться к Лилиан Берне, преподавательнице актерского мастерства, с просьбой хоть что-нибудь сделать с Лиз. Я объяснил ей, что мы не можем оставить на звуковой дорожке ни единого слова из сказанного ею в Лондоне. И бедной Лилиан пришлось несладко – изо дня в день натаскивать Элизабет. Затем нам пришлось все заново переделать – мы заставили Элизабет произнести все от первой до последней реплики уже в Голливуде, на студии, то есть она продублировала самое себя.

Она была далеко не блестящей актрисой, чтобы правильно сделать все с первого раза. Возможно, такой «женский» режиссер, как Джордж Кьюкор, и сумел бы добиться от нее всего сразу, но в этом-то все и дело. Режиссер вынужден чего-то добиваться. В отличие от настоящих актрис, Элизабет не способна на спонтанное и естественное перевоплощение. В одиночку ей это просто не под силу».

Кадр из фильма «Айвенго», где Лиз сыграла Ребекку

В Англии Лиз настигает новая любовь: 39-летний Майкл Уайлдинг, популярный британский актер, джентльмен до мозга костей, становится ее неизменным спутником в вечерних походах по увеселительным местам и ресторанам. И вскоре этот обаятельный и обходительный зрелый мужчина (о, какой контраст с грубым и отталкивающим Ники!) уже занимает все мысли Элизабет: наконец-то она забывает о невзгодах, ее постигших, начинает с удовольствием наряжаться для нового интересного ей мужчины…

Элизабет Тейлор и Майкл Уайлдинг. Май, 1952 год

Их встреча в Англии была не первой: еще во время съемок фильма «Конспиратор» в 1949-м юная Элизабет уже «западала» на Майкла, вопреки золотому футбольному мячику на цепочке (подарок, как мы помним, самого первого жениха Глена), который в то время постоянно украшал шею Лиз. В их первую встречу Уайлдинг не обратил на девчушку особого внимания, а теперь заметил созревшую красавицу и поддался ее чарам. Дублерша Тейлор, Марджори Диллон, вспоминала:

– Когда она вернулась домой, мы только и слышали:

«Майкл Уайлдинг то», «Майкл Уайлдинг это!

Отношения пары завязались стремительно: элегантный, обходительный Майкл исключительно из вежливости предложил Лиз и ее подружке Пегги свои услуги в качестве лондонского ресторанного гида. Первый, дежурный поход в один из ресторанчиков привел к тому, что Майкл и Элизабет уже больше не расставались вечерами, гуляя по промозглым лондонским улочкам, греясь в кофейнях, ужиная в интересных, колоритных местах, уйму которых знал Уайлдинг. Китти Келли рассказывает:

> *«Месяца через полтора Элизабет заявила, что не мыслит себе без него жизни. Майкл Уайлдинг, как и Стенли Донен до него, был женат, но жил с женой раздельно. Элизабет умоляла его подать на развод и жениться на ней. Уверенная в том, что Уайлдинг ответит согласием, она купила себе кольцо с огромным сапфиром, стала носить его на левой руке и объявила всему миру, что обручена со знаменитым английским актером. «Я наконец-то сделала ему предложение, – призналась она. – Он олицетворяет собой все то, что восхищает меня в мужчине. Таких, как он, я еще не встречала. Мы уже признались друг другу, что давно любим друг друга. Но он сказал, что я слишком молода и, может быть, еще передумаю. Когда я стала возражать, Майкл сказал, что нам следует подождать».*

До появления Элизабет Майкл активно ухаживал за Марлен Дитрих…

В это время Уайлдинг стоялл перед мучительным выбором между двумя великими женщинами, которые были ему очень симпатичны. До появления на горизонте Элизабет он активно ухаживал за Марлен Дитрих, был ее многолетним, преданным поклонником, сопровождавшим диву даже в салон красоты. Однако, в отличие от Лиз, Марлен вовсе не нужен был муж, да и внимание Майкла, хоть и льстило (актер был на восемь лет моложе своей пассии), но весьма наскучило к тому времени. А молодая, порывистая, любвеобильная Лиз поставила себе цель – непременно выйти замуж за аристократичного, очаровательного Уайдинга, который, надо сказать, упорно сопротивлялся брачным

узам. Однако девятнадцатилетняя, цветущая Тейлор обещала подарить Майклу детей, тогда как 47-летняя Марлен на такой шаг была уже не способна. И актер в конце концов сдался под напором молодой любви. Позднее он вспоминал:

> *– Лиз была такая ласковая, сама доброта! Окружающие быстро забыли, что этой девочке пришлось пережить какое разочарование испытать! Естественно, ей хочется выйти замуж за человека, который бы любил ее и защищал, и этим мужчиной – так уж распорядилась судьба – для нее стал я.*

Сама Элизабет, преследующая нового возлюбленного со страстью гончей, загоняющей зайца, говорила:

> *– Мне нет никакого дела, что вы или кто-то иной думает по этому поводу. Я люблю этого человека и обязательно выйду за него замуж. Я люблю его, я люблю его, я люблю его. Он любит сидеть дома, покуривая свою трубку; читает, рисует – делает именно то, чем я тоже намерена заняться, мне просто хочется быть вместе с ним, быть его женой и как можно скорее обзавестись ребенком.*

Элиз стоит на балконе Grand Hotel в Стокгольме, Швеция

Годы спустя, уже будучи зрелой женщиной, Элизабет Тейлор рассказывала в одном из интервью:

Майкл Уайлдинг выглядел надежной стеной, за которой так хотелось спрятаться. Спокойный, мягкий, интеллигентный, на двадцать лет старше, отчего казался папочкой, чем не отец будущим детям? Проблема только в его супруге и еще больше… его любовнице – самой Марлен Дитрих! Сейчас я могу признаться, что это стало важным аргументом за атаку на Майкла. Отбить любовника у Марлен Дитрих!.. И пусть меня называют разлучницей!

Если честно, то Майкл маялся, тогда я этого не замечала, а теперь прекрасно понимаю. Он уже запутался в своих отношениях, как муха в паутине, не хотелось ссориться с женой, и Марлен доставала… Есть такой сорт мужчин (подозреваю, что их большинство!), которые не могут решить проблему отношений сами, разрубив гордиев узел, им требуется хорошенький пинок женской ноги. Либо возмущенная жена должна пнуть под зад, спуская с лестницы вслед за вещами, либо любовница хлопнуть перед носом дверью. У Майкла это не решалась сделать ни та, ни другая.

Когда мужчина принадлежит сразу двум нерешительным женщинам, он не принадлежит никому!

Это я сейчас так рассуждаю, а тогда, в двадцать лет, по уши влюбилась в Майкла Уайлдинга и искренне не понимала, почему меня за это порицают. Я сама предложила пожениться? Ну и что? Во-первых, было не совсем так, во-вторых, почему в нашем весьма свободном мире мужчина может сделать предложение, а женщина – нет?

Я ничего не делала, просто надоели нерешительные метания Майкла и, когда он подарил мне кольцо с сапфирами и бриллиантиками, расценила это как знак желания связать свою судьбу с моей. Не могу сказать, чтобы он сильно сопротивлялся, скорее вздохнул почти обреченно. Для Майкла я была выходом из запутанной ситуации, в ответ на мой вопрос: «Милый, ты женишься на мне?» он промямлил нечто невразумительное, что при желании вполне можно принять за согласие или обещание. Перед всем миром Уайлдинг картинно развел руками:

– Ну что я могу поделать, если эта красотка вцепилась в меня, как кошка, всеми своими коготочками!

Хуже всего, что, обнадежив меня в Лос-Анджелесе, Майкл тут же вернулся в Лондон и стал встречаться с прежней любовницей Марлен Дитрих! Каюсь, если бы он просто отделался от меня кольцом, вернувшись к жене, я быстро утешилась бы в объятьях кого-то другого, но возвращение к старо й любовнице от молодой красавицы!.. Ну уж нет, дорогой! Марлен Дитрих – талант и красавица, но она стара!

В феврале 1952 года мы поженились. В январе следующего года у нас родился Майкл Говард. <…>

Говорят, Марлен Дитрих возмущалась:

– Что такое есть у нее, чего нет у меня?!

Красота и молодость имелись у многих актрис Голливуда, но не у всех было горячее желание создать крепкую семью и иметь детей. У меня было. Может, именно этого не хватало божественной Марлен? Любовниц все же бросают (хотя жен тоже, по себе знаю).

Осуждение было подобно волне цунами, оно перехлестывало разумные пределы. Разлучница! <…> Несчастная обманутая супруга Уайлдинга!

Интересно, почему, когда Майкл Уайлдинг открыто наставлял супруге рога с Марлен Дитрих, никто не кричал, что Дитрих разбивает прочный союз или убивает жену Майкла? Почему за побочную связь и измены не осуждали ни Майкла, ни Марлен и не жалели жену Уайлдинга, а если я честно вышла за него замуж – это преступление? Почему ходить в любовницах почетнее и простительнее, чем выходить замуж за тех, кого любишь?

Я предпочла быть не любовницей, а женой».

Элизабет с родителями

«Похоже, чем старше мужчина, тем моложе его очередная жена»

После того, как работа над фильмом «Айвенго» была закончена, Элизабет поехала в самый большой ювелирный магазин Лондона и собственноручно купила себе обручальное кольцо с вызывающе-крупным сапфиром в обрамлении бриллиантов. Вернувшись в Голливуд, она решительно отправилась к руководству студии MGM и предъявила ультиматум, о котором биограф Китти Келли рассказывает:

«Она заявила, что хочет замуж за Майкла Уайлдинга и желает жить в Голливуде, но вот Майкл не может позволить себе покинуть Англию. И если только MGM не предложит ему выгодный контракт, продолжала Элизабет, она тоже оставит студию, бросит карьеру актрисы и уедет вместе с мужем за границу. Руководство студии немедленно вступило с Уайлдингом в переговоры. Уайлдинг тотчас же ухватился за предложенный ими контракт. После чего с улыбочкой сообщил своим английским работодателем, что их сотрудничество окончено. Он также заявил им о своей уверенности, что они не будут силой удерживать его в Англии, если пребывание там окажется ему не по душе. Такого Уилкокс никак не ожидал. «Так закончилось самое счастливое и самое удачное сотрудничество за всю историю британской киноиндустрии – печально, бесполезно, трагично», – заявил он.

Щедрый контракт, предложенный MGM, позволил Элизабет сломить сопротивление Майкла. Он согласился «подумать» о женитьбе на ней».

Новой избранницей Ники, первого мужа Элиз, стала красавица графиня Бетси фон Фюрстенбер

В это самое время в газетах появляется новость, неприятная и ошеломляющая для Лиз: ее первый муж, Ники, помолвлен с красавицей – графиней Бетси фон Фюрстенберг. Оказывается, этот негодяй все еще занимал важное место в сердце отвергнутой Лиз, и оно болезненно сжалось. И наша героиня с удвоенной силой принялась обхаживать человека, который являлся точной копией Френсиса Тейлора, ее отца. Видимо, подсознательно Элизабет необходимо было опереться как раз на такого

уравновешенного мужчину, не способному обидеть саму Лиз, причинить ей боль. Китти Келли вспоминает:

> *«Уайлдинг был милым, спокойным человеком, который, как говорится, мухи не обидит. Ему и в голову бы не пришло отказать Элизабет. Он был слишком мягкотел, чтобы вступать с кем-либо в спор.*
>
> *«Я из тех, кто избегает любых скандалов, – признался он. – Я просто не выношу подобных сцен. Они выше моих сил».*
>
> *Спустя годы Уайлдинг признался, что когда Лиз пыталась устроить ему сцену, он молча позволял ей выпустить пар.*
>
> *«Я просто говорил ей: «Да, моя дорогая», или: «Разумеется, моя драгоценная», «Хорошо, милая», – однако это не имело на нее ровно никакого воздействия. Она распалялась еще больше».*
>
> *Только такой уступчивый человек, как Майкл Уайлдинг, мог позволить втянуть себя в голливудские игры по тем правилам, по которым привыкли играть Элизабет и Сара Тейлор…*
>
> *…Сара была раздосадована из-за Майкла Уайлдинга. Кумир британских подростков, в придачу к своему безвольному подбородку, катастрофически лысел и был вынужден всячески это маскировать. Но, что еще хуже, за душой у него не было ни гроша. Более того, он задолжал британской налоговой службе сто тысяч долларов. Поэтому, поскольку новоявленный жених ее дочери не мог похвастаться богатством, Сара решила сосредоточить все свое внимание на его аристократическом происхождении.*
>
> *…Уайлдинг никогда не скрывал того, что его самой большой мечтой в жизни было «стать богатым и поменьше работать, чтобы не изнурять себя работой».*
>
> *Будучи по природе ленив, он радовался деньгам, которые давала ему актерская профессия, однако театральная карьера вовсе не являлась для него смыслом жизни».*

22 февраля 1952 года в Кэкстон-Холле состоялось бракосочетание, делающее мужем и женой растерянного, даже немного сконфуженного происходящим жениха и скромную, одетую в строгий серенький костюм, сосредоточенную невесту. Однако в итоге пара довольно бурно выразила свою радость по поводу произошедшего, свидетель Герберт Уилкокс, позже

рассказывал:

– Когда Лиз вышла к нам, она быстро окинула Майкла взглядом и уже в следующее мгновение повисла у него на шее. Они стиснули друг друга в крепком объятии. Обо мне и о репортерах было забыто. Объятия длились столь долго и были столь страстными, что мы оставили нашу пару в покое, а сами удалились в бар.

Тэйлор выходит замуж за Майкла Уайлдинга. 21 февраля 1952 года

После несколько скомканной и неловкой свадьбы молодожены отправились на месяц во французские Альпы, где романтично и весело провели время и где Лиз, сраженная контрастом своего первого медового месяца (полного унижения, боли, драматизма и слез) со вторым, наполненным любовью, покоем, умиротворением, еще раз убедила себя в правильности сделанного выбора. Отметив двадцатилетие новобрачной милым семейным праздником, пара вернулась в Голливуд, чтобы приступить к новым ролям.

Революция в Голливуде

Элиз с Майклом возвращаются из медового месяца, проведенного в Альпах. Лондон, 3 марта 1952 года

Между тем для американской киноиндустрии наступили переломные и непростые времена, а для студии MGM это время еще и совпало с окончанием контракта с одной из крупнейших звезд, Элизабет Тейлор (MGM могла запросто упустить

своенравную красотку, и это стало бы ужасной потерей для студии). Биограф Китти Келли вспоминает:

«Склонность к паникерству, и без того присущая киноиндустрии, в начале пятидесятых расцвела пышным цветом. Параноидальное выслеживание коммунистов в Голливуде, возглавляемое Джо Маккарти и его оголтелой кликой, разрушительно сказывалось на творчестве, душа всякую свободу, натравливая друг на друга бывших друзей. Подлило масла в огонь и совместное решение крупнейших студий, направленное ими в Департамент юстиции. Согласно условиям этого договора, киностудии были вынуждены отделиться от прокатных компаний и сети кинотеатров. Иными словами, это означало конец эры безраздельного господства студий, позволявшего им контролировать дальнейшее продвижение своей продукции, а соответственно, и получать доходы на каждом этапе. Усугубило кризис и широкомасштабное вторжение телевидения, которое не замедлило сказаться на доходах киноиндустрии. Еженедельная посещаемость кинотеатров упала с 125 миллионов в 1945 году до 60 в 1952-м. Неудивительно, что громоздкая, неповоротливая студийная система оказалась на грани краха.

Корпорация «Loew's Inc.», родительница студии MGM, была вынуждена экономить буквально на всем. Оскары» перестали сыпаться на MGM как из рога изобилия, а звезды, некогда безраздельная собственность студии, освобождались от оков навязанных им контрактов, чтобы основать свои собственные компании. Луис Б. Майер, на протяжении многих лет царь и бог MGM, а также самый высокооплачиваемый чиновник в стране, был вынужден подать в отставку. Его кресло занял Дор Шэри. Таким актерам, как Кларк Гейбл, Спенсер Трейси, Микки Руни,

Элиз с сыном Майклом. 6 января 1953 года

Джейн Пауэлл, Грир Гарсон и Эстер Уильямс, была дарована полная свобода. Однако студия вознамерилась во что бы то ни стало сохранить за собой Элизабет Тейлор.

Агент Элизабет, Гладстон, посоветовал ей также распрощаться с MGM и образовать собственную компанию. Он объяснил ей, что, став независимой, получит возможность требовать для себя лучших сценариев, самостоятельно выбирать роли, контролировать ход съемок и, соответственно, зарабатывать больше денег, которые, благодаря

увеличению капитала, будут облагаться меньшим налогом. Однако Элизабет предпочла уверенность в завтрашнем дне, которую давала ей студия. Кроме того, Элизабет понимала, что, став независимой, она утратит доступ в костюмерный отдел студии. «Она была просто помешана на нарядах, – вспоминает Гладстон. – Частенько, когда мне удавалось уломать MGM и те уже были готовы пойти на то, чтобы увеличить ей жалованье, в кабинет входила Элизабет – с просьбой подарить ей платья, которые она носила во время съемок предыдущей картины. Этого для нее оказывалось достаточно».

На прогулке с Кристофером

В конце концов Элизабет подписала новый пятилетний контракт со своей студией (с окладом в 5 тысяч долларов в неделю), Уайлдинг – трехлетний контракт также с MGM (с окладом в 4 тысячи в неделю). Лиз также взяла в кредит у студии 50 тысяч, на которые купила роскошный особняк с бассейном и идеальными газонами. В новом доме, населенном бесчисленным количеством четвероногих любимцев – собак и кошек всех мастей, актерская чета стремительно обзавелась двумя детьми.

6 января 1953 года родился первенец Элизабет и Майкла, названный в честь отца, Майкл Говард, а 27 февраля 1955 года – второй сын, Кристофер Эдвард.

До того, как Тейлор была признана серьезной драматической актрисой, ее часто снимали в музыкальных и комедийных фильмах. На фото: фрагмент из фильма «Любовь лучше, чем когда-либо», 1952 год

Все пять лет брака у руля семейной лодки стояла Лиз: ее муж был мягким, ленивым человеком, глядя на которого было странно, что он вообще чего-либо достиг в своей жизни. Уайлдинг не любил свою работу, предпочитая как можно больше времени поводить не в студии, а дома: рисуя или просто лежа в шезлонге возле бассейна. Такое расслабленное отношение к работе наряду с гигантскими расходами семьи (и Лиз и ее муж привыкли сорить деньгами) привело к тому, что долги стремительно накапливались. Китти Келли вспоминала:

> *«Уайлдинги купались в роскоши и вечно что-то покупали, соря деньгами направо и налево. У них вошло в привычку дарить друг другу новые машины. Элизабет объявила, что два ее самых любимых увлечения – это наряды и бриллианты. Уайлдинг стремился потрафить супруге, для чего щедро одаривал ее бриллиантовыми колье, сапфировыми браслетами и кольцами с изумрудами. Но поскольку сам ни денег не имел, то покупки оплачивала*

Элизабет. Вскоре она уже жаловалась Монтгомери Клифту, что когда-то мечтала о сильном, здоровом парне, которым будет заботиться о ней, покупать ей драгоценности и меха, а в результате дело кончилось тем, что теперь она сама оплачивает все счета.

…Вместе Уайлдинги зарабатывали более 350 тысяч долларов в год, но расходы едва не разорили их. Вдобавок к «слабостям» Элизабет, требовалось делать ежемесячные взносы по закладной, платить проценты по эмгеэмовскому кредиту, выплачивать жалованье личному секретарю Элизабет, Пегги Ратледж, а также садовнику, повару, горничной и няне новорожденного младенца, Кристофера.

По дому бродили четыре собаки, пять кошек и две утки. Кошки когтями в лохмотья разодрали дорогие обои, утки клевали мебель, а собаки откладывали свои ежедневные кучки прямо на толстом белом ковре в гостиной. Элизабет держала своего пуделя, Джи-Джи, и всех щенков в детской комнате вместе с младенцем, чем приводила няню в бешенство – ведь ей то и дело приходилось спотыкаться возле колыбельки о кучи затвердевшего собачьего дерьма.

Этот зверинец поверг в ужас даже Сару Тейлор, которой теперь было позволено навещать дочь раз в неделю.

«Я все-таки не удержалась и сказала: «Послушай, Элизабет, не разрешай Джи-Джи лизать младенца!» Она только уставилась на меня в изумлении: «Господи, мама, подумай, что ты говоришь! Неужели тебе не известно, что собачья слюна – самая чистая вещь в мире – она убивает микробы! Природа нарочно так придумала, чтобы позаботиться о животных и их потомстве!»

Элизабет понятия не имела, как готовить, убирать, закупать провизию, но это ее мало заботило.

«Она разбрасывает вещи по всему дому, – вспоминал Уайлдинг. – Все равно где. После нее кажется, будто по дому прошел ураган с той разницей, что ураган не перевернет все вверх дном так, как она».

Уайлдинг терпел неряшливость Элизабет, однако никак не мог привыкнуть к ее нерасторопности.

«Никак не могу взять в толк, почему у нее напрочь отсутствует чувство времени, – говорил он. – Наверно, это у нее от природы».

Вечно опаздывающая Элизабет заставляла людей

ждать часами, пока сама она в это время занималась макияжем, причесывалась или красила ногти. Казалось, она всем своим видом давала понять: «Я буду делать все, что хочу и когда хочу». Она никогда не извинялась за свою вопиющую медлительность, а если ей делали замечания, то не лезла за словом в карман.

«Я бы советовал вам не перечить ей, – предупреждал Уайлдинг. – Она легко раздражается».

Уайлдинг, который избегал какой бы то ни было конфронтации, в начале их брака во всем потакал жене. Он ублажал ее как только мог – рисовал ее портреты, увешал все стены в доме ее фотографиями. На кофейном столике копились кипы журналов, с Элизабет на передней обложке. И, тем не менее, даже этих знаков внимания ей было недостаточно».

На съемках фильма «Слоновья тропа»

И вот это самое «недостаточно» постепенно накапливалось, создавая растущее напряжение между супругами. Майкл со временем стал все больше раздражать вспыльчивую Элизабет, а она своими выходками все чаще заставляла его жалеть о том, что он покинул Англию, женился и так стремительно изменил свою отлаженную, неспешную английскую жизнь. В один прекрасный день Элизабет, которая с головой погрузилась в работу и совсем перестала уделять время семье, во всеуслышанье заявила:

– Боюсь, что после пяти лет совместной жизни мы с Майклом Уайлдингом пришли к отношениям, которые

больше для нас подходят – к отношениям брата и сестры.

Счастливые родители с сыновьями Кристофером и Майклом, 1956 год

Глава VI. Самолет «Счастливая Лиз»

Убедительна и прекрасна

Я знаю, что я красива, хотя ноги у меня коротковаты, стопы великоваты, а бедра широковаты. Кроме того, у меня несколько подбородков, и вообще я слишком полна. Можно быть толстой и все-таки обладать сексапилом. Все зависит от того, кем ты себя чувствуешь.

Элизабет Тейлор

Элизабет являлась воплощением капризной звезды. Буквально во всем – в манере одеваться, вести себя, во всех своих замашках и ужимках – это была стопроцентная кинозвезда.

Эвелин Кейс, американская актриса

Семейная лодка Лиз медленно и верно погружалась в пучину, из которой нет возврата.

Тейлор вспоминала:

– Я была мертва, в двадцать четыре года уже была старухой. В моей жизни не было не единого просвета. Мы по утрам просыпались без всякой надежды на будущее. Нам было нечего делать и не о чем говорить друг с другом. Все наше существование было лишено какого-либо смысла.

«Элизабет являлась воплощением капризной звезды. Буквально во всем – в манере одеваться, вести себя, во всех своих замашках и ужимках – это была стопроцентная кинозвезда…», – Эвелин Кейс

Спасением от тоски для Элизабет стала работа: на съемочной площадке она выкладывалась и уставала так, что было совершенно некогда анализировать происходящее с ее браком и пытаться что-либо наладить.

Возраст, опыт и любовь к своему ремеслу (в отличие от Майкла Лиз появлялась на съемочной площадке не только ради денег, но и ради удовольствия, которое приносила ей работа) сделали свое дело: Элизабет Тейлор начала удивлять критиков. Многие из экспертов не ожидали от нее ничего существенного,

считая главным и единственным козырем Лиз сексапильную, яркую внешность. Однако очередные фильмы с участием Тейлор выходили в прокат и становилось очевидным, что когда-то посредственная актриса превратилась в настоящую профи.

Наконец-то Элизабет стала получать отзывы в прессе, о которых мечтала с самого начала своей карьеры в MGM. Газета Variety (одно из старейших и наиболее влиятельных изданий на рынке американской киноиндустрии и шоу-бизнеса) так охарактеризовала работу Тейлор после выхода трехчасовой эпической кинодрамы «Гигант»:

> *– Мисс Тейлор, чей талант и эмоциональный диапазон до сего времени казались нам довольно ограниченными, неожиданно поражает яркой, убедительной игрой, которая никого не оставит равнодушным. Она нежна и одновременно упряма. Любопытно, что во второй половине фильма, когда в ее волосах начинает пробиваться седина, она смотрится гораздо лучше, чем в первой. Играя зрелую женщину, научившуюся приспосабливаться к различному социальному окружению, мисс Тейлор одновременно убедительна и прекрасна.*

В 1956 году Тейлор снялась с Джеймсом Дином и Роком Хадсоном в фильме Джорджа Стивенса «Гигант»

Однако Элизабет Тейлор все еще было, к чему стремиться: ее лучшие роли пока еще не тянули на «Оскара» и Лиз продолжала упорно работать, не оставляя времени на отношения с мужем.

Пятидесятилетний сумасброд

Я привык делать ставки и готов поспорить, что наш союз будет длиться вечно.

Майк Тодд о своем браке с Элизабет

Однажды Майкла и Лиз пригласили провести выходные на роскошной яхте: их друзья, переживающие за кризис в отношениях Уайлдингов, все еще пытались дать им возможность проводить время вместе, в романтической и веселой атмосфере. И вот, измученные необходимостью влачить изживший себя брак, Элизабет и ее муж ступили на палубу десятиместного суденышка, взятого на прокат голливудским продюсером Майклом Тоддом, 52-летним оригиналом, притащившим на яхту свою очередную невесту и биографа.

Кадр из фильма «Вокруг света за 80 дней»

Этот харизматичный, уверенный в себе балагур с вечной сигарой во рту, был занят съемками приключенческого фильма «Вокруг света за 80 дней», аренда яхты и последующая вечеринка на ней входила в бюджет фильма, т. к. режиссеру требовалась сцена – появление изящной яхты, плывущей на всех парусах. Китти Келли рассказывала:

«… Тодд пытался не упустить момент, стремясь как следует нагреть на проекте руки, а заодно войти в историю кинематографа, представив миру уникальное зрелище с участием пятидесяти звезд и 68894 статистов и съемок в тринадцати различных странах. При помощи специальной системы кинокамер, известной как «Тодд А-О», действие этой картины должно было разворачиваться на широком экране, то есть зритель получал возможность приобщиться к самому последнему слову кинематографической техники, завершение съемок и являлось целью этого небольшого круиза, проделанного в тридцати милях от пляжей Санта-Барбары. Предполагалось заснять появление изящной японской шхуны, идущей под всеми парусами.

«Отличная идея – пригласить заодно веселую компанию, а потом списать все расходы как производственные издержки, – заметил кто-то из гостей. – В этом весь Майк».

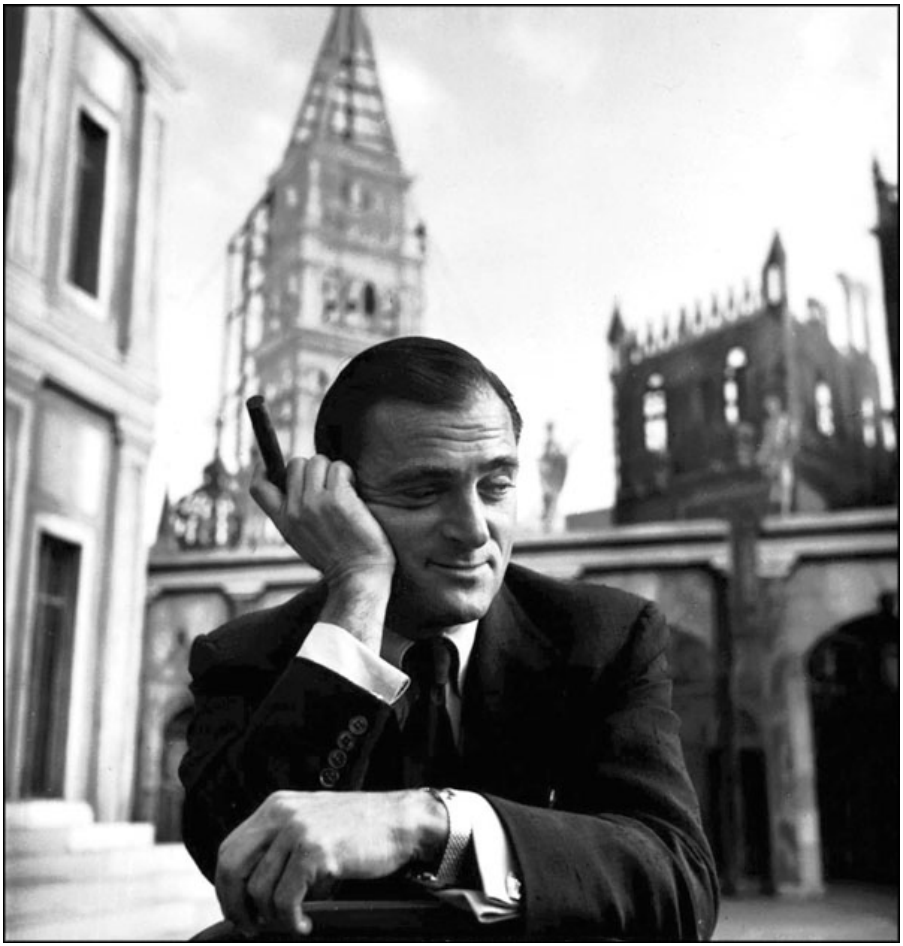
Хозяин круиза до этого не был знаком с Майклом Уайлдингом и лишь как-то раз бегло встречался с Элизабет.

Он радушно приветствовал их на борту яхты – вскоре после их появления шампанское уже лилось рекой. Воздержанный в личных привычках, Тодд отличался щедрым гостеприимством и не скупился на угощения.

Вскоре после того, как они с Майклом оказались на борту яхты, Элизабет вспомнила, что оставила дома сумочку, и принялась во всеуслышанье жаловаться – в сумочке у нее остался золотой портсигар работы Фаберже и пудреница в золотом футлярчике от Картье. Она так расхныкалась по этому поводу, что Тодд слегка разозлился.

«Бросьте делать из этого очередное дело Дрейфуса, – воскликнул он. – Все найдется». Чуть позднее Элизабет начала жаловаться на страшную головную боль, что, однако, не мешало ей хорошенько нажать на шампанское.

«Пейте сколько влезет, – заявил Тодд, наполняя ей очередной бокал. – Вашей голове и так болеть».



«Я привык делать ставки и готов поспорить, что наш союз будет длиться вечно», – Майк Тодд

Но следующие встречи Элизабет и Майка на светских раутах дали возможность наблюдательному мужчине заметить, как одинока и несчастна Лиз. А когда Тодд узнал подробности неудачного брака Уайлдингов, он проникся к ней симпатией и сочувствием. С некоторых пор Элизабет стала удивленно замечать, как на вечеринках и пикниках в толпе разряженного народу за ней непрерывно наблюдают внимательные глаза, полные сочувствия. Стала замечать и в душе радоваться этому: Майк умел нравиться женщинам, писательница Анита Лоос рассказывала о нем:

> *– Он был очаровательным проходимцем. Он принадлежал к той породе мужчин, ради которых красивая женщина снимет с себя бриллианты и даже не спросит зачем.*

Драматическая роль Хелен в фильме «Последний раз, когда я видел Париж» укрепила представление о Тейлор, как о серьезной актрисе

После того как MGM 19 июля 1956 года опубликовала официальное объявление о предстоящем разводе Элизабет Тейлор и Майкла Уайдинга, Тодд позвонил Элизабет и попросил о встрече, «чтобы обсудить один очень важный вопрос». Позже Лиз, улыбаясь, рассказывала журналистам:

> *– Майк сказал, что любит меня, что постоянно обо мне думает, а еще он сказал, что хочет на мне жениться. Мы с ним даже ни разу не держались за руки.*

Еще до того, как суд официально развел Лиз с ее вторым мужем, ее, как волной теплого океана, накрыло новой любовью. Биограф Китти Келли вспоминает:

«Каждую неделю на место съемок чартерным рейсом прибывал самолет, увозивший Элизабет в Нью-Йорк, где она уединялась с Майком Тоддом в его апартаментах на Парк-авеню. В течение недели он присылал ей цветы и звонил по пять-шесть раз на день. Две телефонистки из Дэнвила, мучимые любопытством, принялись по очереди подслушивать эти ночные беседы, которые иногда длились пять часов. На следующее утро каждому в крохотном городке становилось известно, что пятидесятидвухлетний продюсер с нетерпением ждет, когда Элизабет снова прилетит к нему в Нью-Йорк, вернее, приземлится в его постели.

Однажды Мотгомери Клифт ждал Элизабет в Луисвилльском аэропорту, сидя в видавшем виды автомобиле – делалось это специально, чтобы репортёры не пронюхали, что поблизости находятся звезды экрана. Когда Элизабет села в машину, Монти протянул ей кольцо с жемчугом, стоимостью в 30 тысяч долларов, которое ему заранее вручил Майк Тодд.

«Это за будние дни», – пояснил Клифт, служивший между Тоддом и Элизабет посредником, точно так же, как когда-то между ней и Уайлдингом. Затем, посмотрев на свою подругу, добавил:

«Ты получишь настоящее обручальное кольцо чуть позднее».

Элизабет тотчас надела огромную жемчужину на безымянный палец. Когда же репортеры спросили ее, как вообще она может принимать подобные подарки от Тодда, все еще оставаясь женой Уайлдинга, она воскликнула:

«Но ведь это же не обручальное кольцо, это всего лишь кольцо дружбы».

Осенью 1956 года эта «дружба» вызвала сенсационные заголовки по всему миру, причем заголовки сделались еще крупнее, когда Элизабет заявила:

«Я люблю Майка Тодда. Я страстно люблю его».

Уайлдинг, который в тот момент снимался в Швеции, не мог скрыть растерянности.

«Его расстроил не этот ее роман, – сказал один из друзей. – А тот, что был у нее до этого».

Майкл Уайлдинг с присущим ему благородством не стал стоять на пути у супруги.

«Было бы бессмысленно пытаться удержать ее, – сказал он. – И вовсе неправда, что Майк Тодд у меня ее украл. В этом не было никакой нужды. Наш брак закончился задолго до того, как она связалась с Майком…

…Закончив финальные сцены в фильме «Округ Рейнтри», Элизабет вылетела в Нью-Йорк, оставив детей в Калифорнии на попечение няни. Для нее в то время не существовало ничего, кроме возлюбленного – ни дети, ни карьера не значили для нее столько, сколько он. Элизабет стремилась доказать Майку Тодду, что в первую очередь она женщина, а лишь затем – актриса».

Майк любил баловать свою красивую жену, как маленькую девочку…

Вопреки тому, что Тодд клятвенно обещал себе никогда не жениться на актрисе, вопреки негодованиям, которые изливала Сара, узнав о новом избраннике дочери, это бракосочетание состоялось: 2 февраля 1957 года, после целого ряда бракоразводных перипетий, Элизабет стала женой Майка Тодда, человека, который был старше ее на 27 лет. Акула шоубизнеса, Тодд к тому времени уже поставил 14 мюзиклов, эстрадных ревю и скандальных эпатажных шоу со стриптизом. За его плечами было два оглушительных банкротства и два неудачных брака.

2 февраля 1957 года Элизабет стала женой Майка Тодда

Биограф Китти Келли писала:

> *«Корпорация «Тодд А-О» вместе с фильмом «Вокруг света за 80 дней» стали для Майка чем-то вроде средства сведения счетов со всем миром и способом вновь заявить о себе, – рассказывал один из близко знавших его людей. – Это было его возвращение, единственный шанс восполнить все свои потери – финансовые, профессиональные, вернуть себе положение в обществе. А если ко всему этому в придачу заполучить еще и Элизабет*

Тейлор – не это ли предел желаний!»

Ко Дню Труда Тодд решил подарить Элизабет настоящее обручальное кольцо. Он истратил 92 тысячи долларов на бриллиант в 29 карат, походивший скорее на кусок льда. На следующий день после того, как Элизабет получила свое кольцо, Билл Долл, пресс-секретарь Тодда, собрал у себя в офисе журналистов.

«Этот камешек – всего в 29 карат, – заявил он. – Майк говорит, что 30 карат – это проявление дурного вкуса и кольцо смотрелось бы вульгарно».

…В 1956 году картина Тодда получила все мыслимые награды, включая «Оскара» за лучший фильм года плюс награды национального комитета кинокритиков и нью-йоркского общества кинокритиков. К концу года картина собрала уже около ста миллионов долларов».

Сумасбродный и экстравагантный Майк нашел свою половину в лице Лиз, да и она отвечала ему взаимностью, они были, что называется, созданы друг для друга. Заработавший кучу денег, Тодд с шиком и размахом тратил их на удовольствия, окружив себя и жену вопиющей роскошью. Он взял в безраздельное пользование яхту и шикарный частный самолет (ежегодно отдавая за его аренду три тысячи долларов), назвал его «Счастливая Лиз» и позволил жене роскошно обставить его. А сам провел туда телефон, потратив еще пять тысяч. Для разъездов по земле Майк купил Rolls-Royce, оборудовав его баром и двумя телефонами. Китти Келли рассказывает:

«…Он заказал для себя сигары, вдоль золотой окантовки которых тянулась надпись: «Сделано специально для Майка Тодда». Он купил в Чикаго два кинотеатра, которые назвал «Его» и «Ее». Он снял особняк в Беверли Хиллз, а также виллу в Палм-Спрингс, и истратил 36 тысяч долларов, чтобы снять усадьбу площадью в 20 акров в Вестпорте, штат Коннектикут, где имелся бассейн и несколько теннисных кортов.

Он возвел субботу в ранг праздника, отмечая день, когда он впервые встретил Элизабет Тейлор. Субботу за субботой он преподносил ей рубиновые ожерелья, бриллиантовые серьги, изумруды, сапфиры, норковые шубы, бесчисленные шляпки, модные платья и дорогие вечерние наряды…».

Счастливая семья…

Рядом с Тоддом Элизабет расцвела: никто и никогда еще не окружал ее такой заботой и любовью, никто не дарил столько радости от интимной близости. Энергии и жизненной силы Майка с лихвой хватало на двоих. Подружка Элизабет, певица и актриса Дебби Рейнольдс, вспоминала:

> *– Майк был готов носить ее на руках. Я знала его давно, еще до встречи с ней, и мне ни разу не приходилось видеть, чтобы он так суетился из-за женщины, но в те дни весь свет для него сошелся клином на Элизабет. Майк был без ума от ее мальчишек. Он постоянно твердил ей и всем окружающим, какая она замечательная мать, какая красавица, какая умница. Элизабет только смеялась в ответ и говорила: «Ладно, хватит тебе, Майк». Но ей нравилось слушать его комплименты, потому что он, в отличие от других мужчин, не только разбрасывался словами. Он покупал ей платья, дарил драгоценности,*

достойные королевы, он и обращался с ней как с королевой. Он сделал гак, что Элизабет ощущала себя большей красавицей, какой была на самом деле, – если это, конечно, возможно.

Шутливое фото в перерыве между съемками. Тейлор делает прическу Аннабелле Леви, а парикмахер Елена Роуз в шоке!

Счастье Лиз отразилось и на ее работе: она стала лучше играть и наконец-то удостоилась своей первой номинации на «Оскара» (фильм «Оркут Рейнтри», роль американской красавицы-южанки), мечты начали сбываться!

У Майка тоже сбылась одна заветная мечта: он стал отцом дочери.

Можно представить, как ликовал Тодд (у которого уже был единственный взрослый сын), когда однажды, после болезни Лиз, трудных родов и нескольких суток постоянных переживаний, он стал отцом: Элизабет родила дочь, которую назвали Элизабет Френсис и стали звать Лизой.

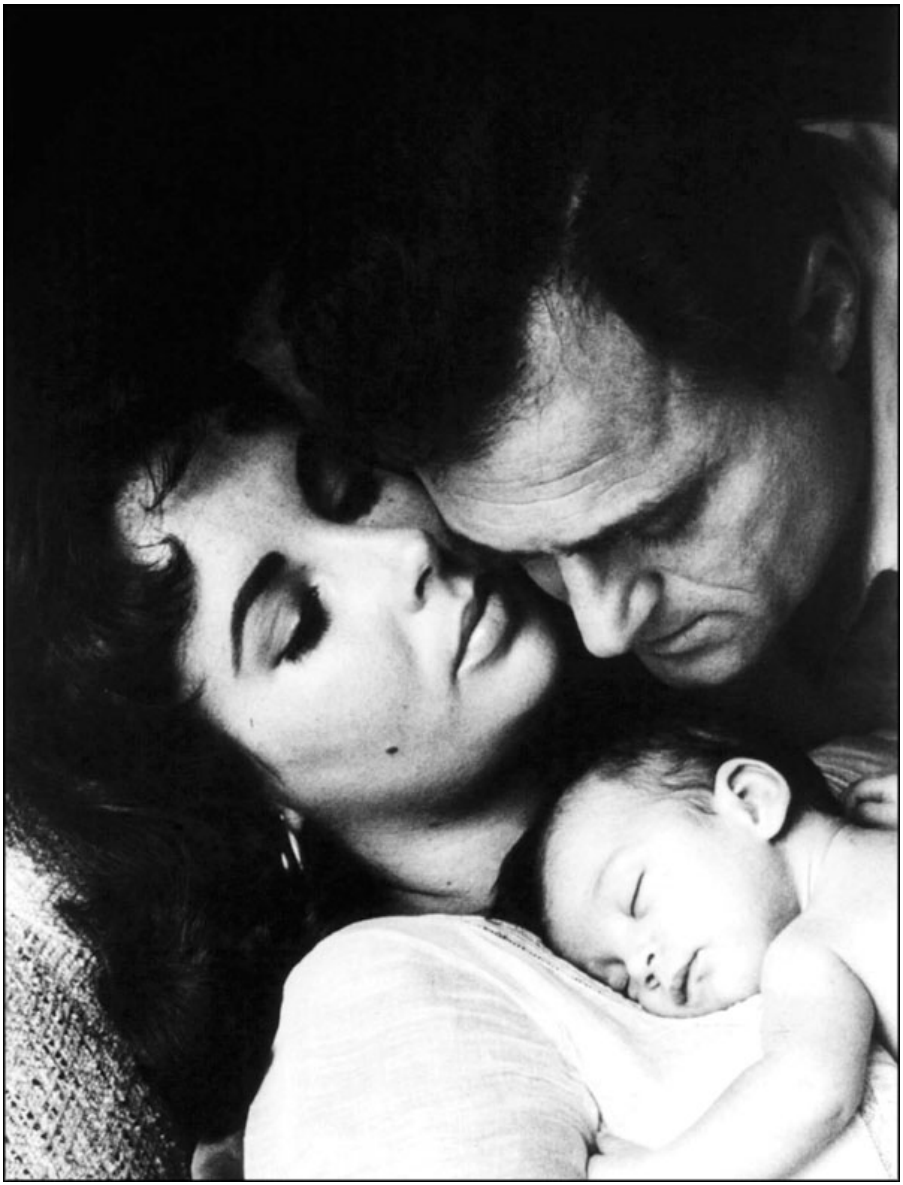
Восторгу пожилого отца не было предела: он рассылал телеграммы всем своим знакомым, звонил в десяток стран, чтобы проорать в трубку радостное известие: его малютка не дышала целых 14 минут, но все уже позади, у него теперь есть дочь!

Позже Майк рассказывал журналистам:

> *– Я едва не умер, пока она не издала первый писк. Это были самые долгие четырнадцать минут в моей жизни. Но крошка так хороша, что ее мать по сравнению с нею – Франкенштейн. Мы с Лиз по гроб жизни останемся благодарны врачам за то чудо, что они для нас сотворили.*

Не успели Элизабет и ее новорожденная дочь покинуть пределы клиники, как Тодд уже задумался о подарках. Малютке он купил внушительную золотую щетку для волос с гравировкой: *«Дорогая Лиза, эта щетка могла бы быть платиновой, если бы твоя мама не говорила, что я тебя слишком балую».* Что касается подарка для жены, то Майк рассказал журналистам, что хочет купить ей Тадж Махал:

> *– Если это заведение продается, что ж, я, пожалуй, рискну. Лиз держалась молодцом и, как мне кажется, заслуживает подарка. Я бы модернизировал этот Тадж Махал, потому что трубы там наверняка уже ни на что не годные. Я бы, пожалуй, мог сделать из этой развалины конфетку…*



Элизабет родила дочь, которую назвали Элизабет Френсис. Ликованию Тодда не было предела!

Вышедший из самых низов, Майк Тодд в полной мере ощущал, что жизнь его удалась! У него было все гигантское состояние и всемирная слава, любимая и любящая красавица-жена (кинозвезда!), очаровательная дочурка, престижная награда за первый фильм, который Тодд снял на свой страх и риск. Он признавался в своих интервью:

– Как мне кажется, это лучшие годы в моей жизни. Я

так счастлив, что это меня даже пугает. Поскольку я сам игрок, то кому как не мне знать закон среднего арифметического. Вот почему мне становится не по себе при мысли, что я обязательно должен что-то потерять, чтобы компенсировать это чертово везение.

Весной Тодд становится «Шоуменом Года»: этот титул ему присуждает существующий с 1904 года нью-йоркский закрытый клуб «монахов нищенствующего ордена» Friars Club, в который входили все именитые актеры и деятели кино и шоубизнеса. Майк многие годы тайно мечтал когда-нибудь удостоиться этого титула.

Радостный и возбужденный, он садится в свой роскошный самолет «Счастливая Лиз», чтобы отправиться прямиком на Манхеттен, где в роскошной гостинице Waldorf Astoria состоится торжественный вечер в его честь. На прием приглашены полторы тысячи высоких гостей: политиков, аристократов, знаменитостей, спортсменов, магнатов…

Небольшой, легкий самолет «Счастливая Лиз» попадает в грозовой фронт, и разбивается в горах Нью-Мексико. Взрыв, произошедший на месте падения самолета, оставляет от него и его пассажиров лишь обугленные останки.

В 1958 году Майкл на самолете «Счастливая Лиз», который он купил любимой жене, летел в Нью-Йорк, но попал в грозу, и трагически погиб…

Среди которых следственная бригада находит единственную уцелевшую вещь – измятое золотое обручальное кольцо Майка Тодда.

В роковую ночь Лиз проснулась в холодном поту, ей приснился кошмарный сон: взрыв, объятые пламенем деревья, густой, едкий дым…

«Лучше бы я полетела с ним…»

Спустя несколько часов Элизабет получила страшное известие: сон оказался вещим.

Глава VII. Жизнь продолжается!

Лучший друг

Кто тебе настоящий друг, узнаешь, когда попадешь в скандал.

Элизабет Тейлор

Образцово-показательный союз Эдди Фишера и Дебби Рейнольдс вчера занесло на нескольких крутых поворотах, вернее, на выпуклостях Лиз Тейлор».

Газета «Дейли ньюс», Нью-Йорк

Трудно описать словами, какая немыслимая тяжесть навалилась на Лиз после трагической гибели веселого, неутомимого, несравненного Майка: казалось, и ее жизнь теперь закончена, ничего больше не будет, просвета нет. Молодая вдова заливала горе ромом и виски и жалела лишь о том, что по случайности избежала участи мужа: накануне злополучного рейса Лиз слегла с простудой и не смогла сопровождать его на вручение премии. Близкая подруга Тейлор, актриса Хелен Роуз вспоминает:

– Мне еще ни разу не доводилось видеть человека, сломленного горем. Вся ее жизнь рассыпалась в прах, и слова были бессильны ее утешить.

…казалось, и ее жизнь теперь закончена, ничего больше не будет, просвета нет…

Мысли о суициде стали навязчивыми, отрешенно глядя в никуда, Лиз безучастно сообщила друзьям, что не хочет жить без Майка. Жена ее брата Говарда, Мара Тейлор, не выдержала:

> *– Элизабет, как тебе не стыдно! Ведь у тебя трое детей. Два сына и ребенок Майка. Твой долг ради них взять себя в руки, как бы плохо тебе ни было. Майк, знай он такое, ужасно разозлился бы!*

Однако Лиз не могла взять себя в руки, слишком силен был удар и невосполнима потеря. Позднее секретарь Майка Тодда, приглядывавший за Элизабет после смерти босса, вспоминал:

> *– Мне ни разу не приходилось видеть, чтобы человек терзался горем так долго. Лиз тогда не снималась. Она безвылазно сидела дома и безутешно рыдала ночи напролет. Она все говорила, и говорила, и говорила, а я слушал. Она считала себя виноватой в случившемся, укоряя себя за то, что отказалась лететь вместе с Майком.*
>
> *…Доктор Кеннамер все это время пичкал ее таблетками, сначала, чтобы она могла уснуть, затем – чтобы взбодриться, успокоиться и перестать плакать. Элизабет так сильно переживала, что даже снотворное ей мало помогало, и тогда доктор давал ей другие таблетки, в качестве противодействия. В результате этих пилюль оказалось чересчур много. Элизабет отказывалась от еды и только пила пиво с попкорном.*

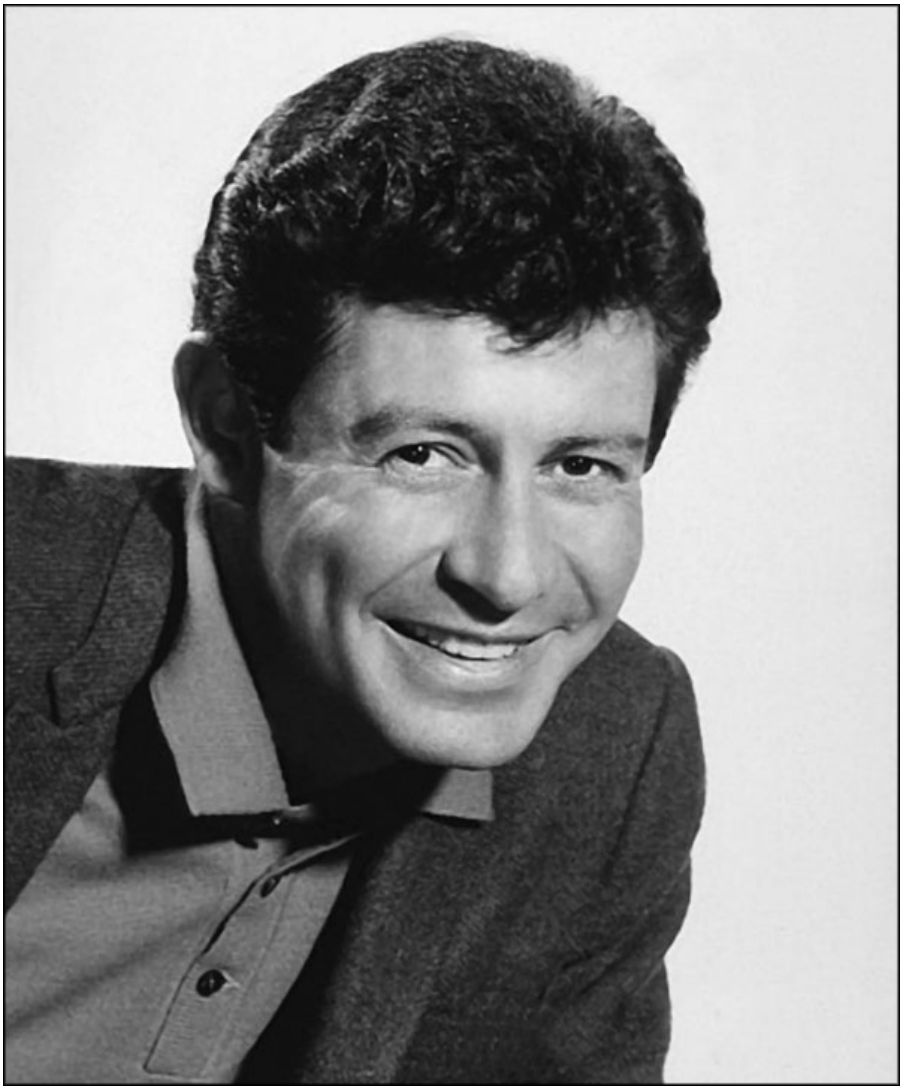
Ричард Брукс пытается рассмешить Элиз на съемках «Кошка на раскалённой крыше»

Первым шагом Лиз к нормальной жизни стало ее

возвращение на студию: сначала она, опухшая от слез, неряшливо одетая и слегка пьяная, просто молча стояла в стороне, глядя, как идут съемки. Позднее она нашла в себе силы вернуться на съемочную площадку уже в качестве актрисы. Все происходящее напоминало Лиз стремительное падение в темную, мутную глубину, в которой она гребла, гребла, выбиваясь из сил, пытаясь нащупать твердую почву под ногами и выплыть к берегу. Биограф Китти Келли рассказывает:

> *«…Однажды в Каннах она удивила британского журналиста Леонарда Мосли тем, что запустила пепельницей в динамик, откуда доносилась французская версия мелодии к фильму «Вокруг света за 80 дней».*
>
> *«Когда ты сядешь писать мою биографию, Леонард, знаешь, с чего я бы советовала ее начать? – спросила она. – Начни так: «Это было в четыре чаем утра, в дрянном баре на французской Ривьере. По радио звучала мелодия из «80 дней». И неожиданно Элизабет Тейлор почувствовала, что ей все до смерти надоело: кино, люди и, что самое главное, она сама».*
>
> *«Звучит как первая глава трагедии», – заметил Мосли.*
>
> *«Ты, черт возьми, прав, – ответила Элизабет. – И знаешь, как тебе следует ее назвать? «Мне всего двадцать пять, и не хочется больше жить»…».*

Лучший друг покойного, музыкант Эдди Фишер, женатый на коллеге Элизабет – актрисе Дебби Рейнольдс, – буквально спасает Лиз от самоуничижения и отвлекает от мыслей о самоубийстве. Эдди боготворил Майка и во многом старался ему подражать – так же снисходительно похохатывал, курил сигары и много времени проводил за карточным столом. Мало того – он назвал своего сына (родившегося за три недели до трагедии) его именем и переживал смерть друга почти так же тяжко, как и его вдова. Фишер стал казаться Лиз неким наследством, оставшимся ей в утешение от Майка.



Музыкант Эдди Фишер буквально спасает Лиз от мыслей о самоубийстве

И вот уже окружающие с удивлением и негодованием замечают, что между безутешной вдовой и отцом двоих маленьких детей – уже не просто дружба. Секретарь Тодда вспоминал:

> *– Все те парни, которых она пыталась подцепить после Тодда, были никудышными мужиками, но ведь Лиз была так одинока. Затем, совершенно неожиданно, на горизонте появился Эдди.*

«Это была обычная еврейская свадьба. Как обычно, Элизабет опоздала даже на свою собственную свадьбу», – напишет Фишер в своих воспоминаниях

Общественность очень враждебно и бурно отреагировала на тот факт, что Фишер ушел из семьи и стал жить с Лиз. Дебби Рейнолдс с удовольствием разыгрывала на публике несчастную жертву подруги-разлучницы, разумеется, умалчивая о том, что ее отношения с Эдди давным-давно дали трещину и от развода их уберегла лишь внеплановая беременность Дебби вторым ребенком. Китти Келли пишет:

«…Заголовки «Лиз – Эдди – Дебби» не сходили с первых полос газет больше месяца, причем большинство американцев пытались приободрить Дебби, ругали Эдди и поносили Элизабет. В качестве слабой, беззащитной жертвы Дебби Рейнольдс вскоре обнаружила, что ее карьера резко пошла в гору, в то время как Эдди Фишер, превратившись в разрушителя семьи, обнаружил, что фэн-клубы от него отвернулись, продажа его пластинок пошла на убыль, а Эй-Би-Си даже отменило его телешоу…

Преданная публичному порицанию как «разрушительница семьи», Элизабет неожиданно из объекта всеобщего сочувствия превратилась в объект всеобщих нападок и презрения.

«По-моему, открывшиеся факты только подтверждают мое давнее подозрение, что во всех своих романах она проявляла агрессивность – полное пренебрежение к чувствам тех, кто стоял на ее пути, демонстрируя полнейшее равнодушие к тому разрушению, что она оставляла после себя», – писала Эльза Максвел.

Нажив на скандале недурной капитал, MGM выпустила в прокат «Кошку на раскаленной крыше». В этом фильме Элизабет кошачьей походкой разгуливала в своей шелковой комбинации и атласных лодочках, не оставляя надежды соблазнить своего несговорчивого гомосексуалиста-мужа. Благодаря бесплатно доставшейся студии рекламе, этот фильм побил в 1958 году все рекорды кассовых сборов и вошел в десятку самых знаменитых хитов MGM. Кроме того, он принес Элизабет ее вторую номинацию на награду киноакадемии, позволив ей попасть в десятку самых популярных кинозвезд, а также подарил награду «Звезда года», присуждаемую американским союзом владельцев кинотеатров. Но по мере того, как дурная слава Элизабет продолжала разрастаться, кинематографический мир, призадумавшись о возможных последствиях, в конечном итоге проголосовал за лишение ее награды».

Элишева Рахель

У меня такое чувство, будто я на протяжении всей моей жизни была еврейкой.

Элизабет Тейлор

Отношения с Эдди вовлекли Лиз в еще больший кризис: со всех сторон ее ругала пресса, многие друзья отвернулись, киномир лишил заслуженной и долгожданной награды: казалось, жизнь испытывает Лиз на прочность. В это непростое время Элизабет решает принять иудаизм – религию ее покойного мужа Майка Тодда и нового возлюбленного Эдди Фишера. Ее наставником становится рабби Макс Нуссбаум, а ее новое имя – Элишева Рахель.

2 марта 1959 года в синагоге Бет-Шалом в Лас-Вегасе состоялась четвертая свадьба Элизабет Тейлор

Долгие задушевные разговоры с рабби Нуссбаумом постепенно превратились в очень важные для Лиз, целительные сеансы психотерапии: ее душа постепенно исцеляется от перенесенных невзгод. О своих отношениях с Эдди она позже вспоминала в одном из интервью:

– Когда Эдди привлек меня как мужчина, я спросила себя, а не вижу ли я в нем Майка. Я долго пыталась

разобраться в собственных чувствах. Ведь, согласитесь, бессмысленно искать в одном человеке замену другому. И если я пытаюсь сделать именно это, то в конечном итоге погублю нас обоих. Майк не из тех, кого можно с легкостью забыть – даже если этого очень захочется. Я всегда буду любить Майка, но с Эдди это нечто совершенно особенное. У Эдди нет многих тех качеств, которыми был наделен Майк, но ведь я и не собираюсь искать себе нового мужа по его образу и подобию. Я знаю лишь то, что испытываю к Эдди самую искреннюю и глубокую привязанность. У нас с ним удивительные отношения – полные взаимного понимания и теплоты. Нам хорошо вместе.

Фишер постарался окружить Элизабет заботой, подобно Майку, он осыпал ее дорогими подарками и всячески баловал. На 27-летие он подарил ей клатч, усыпанный бриллиантами – 27 драгоценных камней символизировали возраст Лиз…

12 марта 1959 года, в Лас-Вегасе, в синагоге Бет-Шалом состоялась четвертая свадьба Элизабет Тейлор, о которой она позже вспоминала:

– Мне выпало счастье выйти замуж за человека, который так же, как и я, ценит жизнь. Именно потому, несмотря на все выпавшие на мою долю переживания и невзгоды, я не побоюсь заявить, что судьба благосклонна ко мне. Я дважды в жизни изведала настоящую любовь. Некоторым не дано это испытать даже однажды.

Эдди был тенью своей знаменитой жены, боготворил и обожал её

И ей действительно тогда казалось, что мягкотелый, безумно влюбленный в нее Фишер – ее новая любовь. Однако Элизабет продолжала всюду носить с собой рамочку с фотографией Майка. Впрочем, Эдди совсем не возражает, у него нет ревности к покойному другу:

– Мы оба его любили. Его влияние на меня было огромно, как, впрочем, и на Элизабет… Собственно говоря, он научил ее любить… Майк дал ей многое, но

самый главный его дар – это дар любви.

Кадр из фильма «Внезапно, прошлым летом»

Вопреки жизненным неурядицам и потрясениям, Элизабет продолжает свой путь на вершину славы, на съемках фильма «Внезапно, прошлым летом» она зарабатывает полумиллиона долларов и превращается в самую высокооплачиваемую актрису планеты. Кроме того, Лиз уверенно держится в десятке самых популярных актеров Америки, и даже скандал с уводом Эдди из семьи не в силах умерить ее популярность. Парадокс, но на пике славы Элизабет испытывает острое желание навсегда порвать с миром кино, превратиться в домохозяйку. Однако экстравагантный, богемный образ жизни довольно затратен, поэтому Лиз, чтобы его поддерживать, необходимо работать: оставленных Майком миллионов и внушительных заработков популярного певца Эдди Фишера недостаточно, чтобы обеспечить Лиз той роскошью, к которой она привыкла. Китти Келли пишет:

«Во время съемок в Лондоне Эдди отправил Элизабет

в Париж сделать кое-какие покупки у Диора. Там же он купил ей десять платьев от Ив Сен-Лорана. Элизабет, в свою очередь, купила ему автомобиль «Ягуар» и подбитый бобром плащ. Вдобавок к вилле на Ямайке, которую Элизабет окрестила «Раем для Эдди», был куплен особняк в тринадцать комнат из белого кирпича в городке Перчес, штат Нью-Йорк, с участком земли в пять акров, где разместились теннисные корты и бассейн. Кроме того, Эдди приобрел для супруги шале за 325 тысяч долларов в Швейцарии, в Гштааде, а в ответ получил темно-зеленый «роллс-ройс». Чтобы отпраздновать шестимесячный юбилей супружеского союза, Эдди подарил Элизабет норковый свитер, а она ему – пару золотых запонок, украшенных бриллиантами. На запонках была выгравирована надпись:

«Я люблю тебя и не могу без тебя до конца моих дней».

Тронутый подобным выражением любви со стороны супруги, Эдди изо всех сил стремился отвечать на любовь любовью. Пожалуй, одним из самых дорогих подарков к первой годовщине их свадьбы стала переплетенная в кожу библиотека всех ее фильмов.

«Эдди подарил ей набор из тридцати книг по каждому из фильмов, в которых она снималась, – вспоминал его биограф. – Каждая книга включала в себя сценарий плюс двенадцать фотографий с кадрами из фильма. Все это было переплетено в кожу цвета лаванды. Каждое заглавие сияло на обложке настоящим золотым тиснением. К книгам прилагались лавандового цвета закладки с надписью: «Моей жизни, моей жене Элизабет. С любовью, Эдди».

Она едва не лишилась чувств от радости, когда увидела все эти книги. По-моему, она поняла, насколько широк был этот жест и скольких трудов все это стоило. Ведь на составление этой библиотечки ушло несколько месяцев, и стоила она бешеные деньги, ведь каждая книжка являла собой шедевр переплетного искусства…

…Они с Эдди жили воистину по-царски, в окружении детей, нянек, собак, кошек, горничных, секретарей, прислуги и всякого рода прихлебателей.

Лимузин, изумруды, норковые манто сыпались на Тейлор, как из рога изобилия. Фишер обожал и Лиз, и ее детей

За красивым фасадом нередко бывает спрятан тихий омут с чертями: таким омутом для интеллигентного, спокойного Эдди Фишера был амфетамин. Лиз вслед за мужем тоже быстро пристрастилась к наркотикам, которые, как ей казалось, помогают решить многочисленные проблемы со здоровьем: реальные и вымышленные.

В Голливуде орудовал доктор Макс Якобсон, получивший в последствии прозвище «Доктор Кайф». На его крючке – инъекциях амфетамина, – сидели многие знаменитости, начиная от

президента Кеннеди и заканчивая голливудскими звездами первой величины. Элизабет также попала в ряды пациентов Якобсона и вскоре уже не могла даже сносно себя чувствовать без «инъекций здоровья», прописанных доктором. Биограф Китти Келли рассказывает:

> *«Уколы действовали на нее возбуждающе, вызывая острые приступы учащенного сердцебиения, нервное истощение, бессонницу, депрессию или приступы истерии. Чтобы как-то ослабить действие амфетаминов, Элизабет начала принимать снотворное и в результате вечно просыпала съемки. И актеры, и съемочная группа – все уже привыкли к тому, что надо ждать как минимум часа три, прежде чем она появится на площадке.*
>
> *У Элизабет вошло в привычку консультироваться одновременно сразу у нескольких врачей, и поэтому во время съемок «Баттерфилд-8» ее лечили не меньше шести докторов, причем каждый из них прописывал ей свои лекарства. В придачу к выписанным врачами снадобьям, она частенько просила стимуляторы у друзей.*
>
> *«Она постоянно просила меня раздобыть каких-нибудь таблеток и принести их ей на съемки, – рассказывала Кэтти Фрингс. – Но я не шла у нее на поводу»*«.

Счастливая Тейлор и очередной «Оскар». 1961 год

Постепенно отношения между Лиз и Эдди начали портиться: она все чаще устраивала ему безобразные истерики на людях,

вела себя с мужем небрежно или высокомерно, хамила и раздражалась по пустякам, стала изменять. Эдди все безропотно терпел, находя утешение в наркотиках, а Лиз больше не видела в нем мужчины, который бы ее привлекал: наваждение прошло. О своем браке она уже с сожалением говорила:

> *– Мне казалось, что таким образом я сохраню память о Майке, но вместо этого получила лишь его бледное подобие.*

В 1961 году брак Тейлор и Фишера распался, хотя развод Лиз получила три года спустя, в 1964-м. И главной причиной разрыва с Эдди стала новая любовь Элизабет.

Элиз и Эдди на Красной площади в Москве

Глава VIII. В зените славы и любви

Поцелуй Клеопатры

«Я оставался с Элизабет в Риме еще пару недель после того, как начались съемки», – вспоминал один из знакомых. – Ия хорошо помню, как она мне говорила, что непременно станет той единственной главной героиней, которая не попадется в сети к Ричарду Бертону. Она говорила это совершенно серьезно.

Биограф Китти Келли

«До меня дошло, как глубоко сидит в ней дух соперничества. Как ей нравится командовать людьми, особенно в сексуальном плане. Сексуальность обычно проистекает из самолюбования, в ее случае так оно и было. Она была наделена чрезмерным нарциссизмом и черпала в нем огромное наслаждение. Однако ей все равно чего-то недоставало, и поэтому ей вечно требовалось доказывать окружающим, что она способна завоевать любого мужчину, какой ей только приглянется… Она не стеснялась рассказывать любовникам о других своих возлюбленных. Она этим даже кичилась. Все на свете сгорали от желания к ней, и она ставила вас об этом в известность». Макс Лернер, журналист

Кто бы мог подумать, что в скором времени Лиз возненавидит своего покладистого и мягкого Фишера настолько, что за одно лишь упоминание его имени будет выставлять гостей из дома? Сначала Эдди малодушно не давал ей развода, пытался выиграть время, затем громко, со скандалом во всех газетах, делил имущество, оспаривая заключения суда одно за одним… После долгого, неприятного и муторного для обеих сторон расставания Элизабет прекратила общаться с Эдди, заявив журналистам, что она никогда его по-настоящему не любила, а их

брак – роковая и самая большая ошибка ее жизни. Она утверждала, что в объятья Эдди ее толкнуло горе и память о Майке Тодде, и что она жестоко разочаровалась, ведь Фишер оказался лишь жалкой пародией на своего энергичного, яркого друга.

Тейлор с наградой, полученной за роль в фильме «Внезапно, прошлым летом». 1959 год

Но все это будет чуть позже, а сейчас, прилетев на съемки грандиозной эпопеи «Клеопатра», Эдди и Лиз селятся в роскошном особняке и окружают себя веселой, разномастной компанией из звезд, журналистов и сотрудников киноиндустрии. Бертон, которому предстояло сыграть одну из ведущих ролей в «Клеопатре», став партнером звезды такого масштаба как Лиз, впервые поднялся так высоко. До этого его уделом был Бродвей и скромные гонорары. Биограф Китти Келли рассказывала о нем:

«…Валлиец по национальности, Бертон был известен как «британский Брандо» или, как его еще называли,

«Лоренс Оливье бедняков». В 1961 году он удостоился награды «Тони» как лучший бродвейский актер за короля Артура в спектакле «Камелот». Спустя несколько месяцев студия «XX век – Фокс» выкупила актера у театра, заплатив за него 50 тысяч долларов, чтобы подписать с ним контракт на 250 тысяч за три месяца участия в съемках «Клеопатры».

Таких денег Бертону еще никто до этого не платил, и он с гордостью заявлял, что зарабатывает даже больше, чем Рекс Харрисон, который играл Юлия Цезаря. А еще он похвалялся тем, что студия предоставила в распоряжение его семьи шикарную виллу, машину с шофером и прислугу.

Тридцатишестилетний актер собрал компанию у себя в «Бертоновском баре», то есть в своей бродвейской гримерной, и развлекал друзей смачными раблезианскими историями. Элизабет Тейлор он упомнил лишь мимоходом, обозвав ее «этой толстой бабенкой» – ему припомнилось, как он впервые встретил ее в Голливуде, в доме Стюарта Грейнджера, – в ту пору она была беременна и ее мужем был Майкл Уайлдинг.

«Это было еще до Официанта», – пояснил он, имея ввиду Эдди Фишера.

Затем с поразительной точностью подражая ее голосу, он выдал целый залп непристойностей, отчего все присутствующие покатились от хохота.

«Смотри, Ричи, будь осторожен, – шутливо заметил кто-то из друзей. – Не попади к ней на крючок».

«Не волнуйся, – возразил Бертон. – Она такая черная… как пить дать, бреется».

И снова все разразились хохотом – уж что-что, а репутация Бертона, его привычка заводить романы со всеми своими партнершами стали уже притчей во языцех.

«Я просто не способен играть с человеком, если я не испытываю к нему сильного физического влечения, – неоднократно заявлял он. – Иначе я просто не смогу находиться с ним на одной сцене или же в одном кадре… Разве это не издевательство над собой – изображать любовь к той, которая лично в тебе ровным счетом ничего не трогает».

И хотя Бертон был женат на валлийке Сибил более двенадцати лет, он открыто изменял ей направо и налево с такими звездами, как Джин Симмонс, Клэр Блум, Сюзен Страссберг. Стремясь покорить их сердца, он рассказывал

им одну небылицу за другой, чем наверняка превзошел Шахерезаду. Своим изысканным, хорошо поставленным голосом он читал им стихи Дилана Томаса. Или вдохновенно цитировал шекспировские строки».

На съемках «Клеопатры». Элизабет Тейлор знакомит своих детей Лиз, Майкла и Кристофера с режиссером Джозефом Л. Манкевичем

Впервые встретившись со своей звездной партнершей на съемочной площадке «Клеопатры», Бертон подошел к ней и неожиданно бесцеремонно зашептал в самое ухо:

– Ты, крошка, малость толстовата, хотя на мордашку – ничего!

Огорошенная Лиз расхохоталась и в скором времени уже задумчиво говорила своей гримерше:

– Кажется, я влюбилась в этого наглого мужика.

А сам он так рассказывал об их первой встрече:

– Она была столь красива, что я чуть не расхохотался в голос. Она была потрясающей.

Великолепной. Засасывала, как черная дыра. И плевать ей было на меня.

Удивительно, но угреватое лицо Ричарда Бертона совершенно не мешало ему нравиться женщинам всех возрастов. Широкоплечий, самоуверенный и мужественный, он олицетворял собой «альфа-самца», в нужный момент убедительно преображаясь в «одинокого сироту, погибающего без ласки и участия».

Американская актриса Ли Ремик вспоминала о нем:

– Бертон наделен редкостным даром – любая женщина, находясь рядом с ним, испытывает такое ощущение, будто она – единственная для него в целом мире… Это ли не блаженство?

«Когда-то Элизабет сказала, что наша беда в том, что мы слишком любили друг друга. Теперь я понимаю, как она была права», – Рич Бартон

Мало кто знал, что сегодняшний, успешный, богатый и известный Рич Бертон (котрый через несколько лет станет самым высокооплачиваемым актером планеты, обойдя саму Тейлор) познал все ужасы нищеты в многодетной семье спившегося шахтера. Ричард Дженкинс (настоящая фамилия актера) родился в жалкой лачуге, где на нескольких метрах ютилась семья с тринадцатью детьми (Ричард был предпоследним). Изнуренная голодом и непосильной работой, мать Бертона умерла во время

родов своего последнего малыша, а отцу даже нечем было заплатить за гроб и место на кладбище. В одном из своих интервью Ричард Бертон делился:

> *– Те десять фунтов, которые мы были вынуждены занять на похороны нашей матери, тяжким грузом висели на нас еще несколько лет. Когда наша семья наконец расплатились с долгом, этот день стал для нас настоящим праздником. Мы жили в беспросветной нищете. Бывали годы, когда мы существовали только благодаря бесплатному супу, что раздавали благотворительные организации.*

Мальчику повезло с учителем, который проявил участие к его судьбе: после смерти своего наставника Ричард взял его фамилию. Интеллектуал Бертон ненавидел Голливуд с его конвейерным производством, однако он всегда мечтал прославиться и разбогатеть, философски заявляя:

> *– Что ж, приходится сниматься в кино – чем больше о тебе говорят, тем больше ты будешь зарабатывать.*

Лиз и Рич Бартон на съемочной площадке

О работе своей партнерши (Бертон до сих пор толком не видел ни одного фильма с участием Лиз) он отзывался пренебрежительно, однако вскоре изменил свое мнение на восхищенное:

– Она то и дело преподносит вам сюрпризы. И если вы ее не знаете и просто посмотрите, как она репетирует, то наверняка скажете: «О, господи. Вот уж бездарность

так бездарность». Она ведет себя на репетициях словно сонная муха. «Мне так идти? Как, по-вашему, я так должна говорить?»

Однако как только включается камера, в ней словно что-то срабатывает, это как колдовство, и вот вы уже не верите собственным глазам.

Роман Лиз и Бертона вспыхнул ярким пламенем прямо на съемочной площадке: сначала режиссер вдруг с изумлением заметил, что Элизабет и Ричард уже не просто обмениваются репликами из сценария, а в каком-то смысле превратились в своих героев: Антония и Клеопатру, безумно влюбленных друг в друга. Сценарист Уолтер Вагнер вспоминает:

– Во время съемок наступает такой момент, когда актеры превращаются в своих героев. Это слияние личности реальной и вымышленной обязательно должно произойти, чтобы игра стала по-настоящему убедительной, и сегодня именно это произошло… Застрекотали камеры, и по всем собравшимся, казалось, пробежал ток. Было тихо, и вы будто воочию увидели, как между Лиз и Бертоном проскочила искра.

И вот уже новый роман скандальной Тейлор – на первых страницах ведущих американских и европейских газет. За несколько недель до этого прямолинейный Бертон отправился к Фишеру и заявил:

– Послушай, мне кажется, тебе стоит знать о том, что я люблю твою бабу.

Один из запоминающихся роскошных костюмов Клеопатры

Скандальная парочка

Каждый день меня ждет опасность потерять его. Он нужен мне, чтобы я была счастливой… Он является центром моей жизни…

Элизабет Тейлор о Ричарде Бертоне

После завершения съемок «Клеопатры» Ричард и Лиз развелись со своими предыдущими супругами и поженились, превратившись в самую громкую супружескую пару Голливуда на целых десять лет. Биограф Китти Келли рассказывает:

«Она ни на минуту не оставляла его одного, она заискивала перед теми несколькими друзьями, которые еще не отвернулись от Бертона. Она подарила ему пейзаж работы Ван Гога, стоимостью 257 тысяч долларов, чтобы Ричард повесил картину у себя в номере над камином. Она заказала для него библиотеку из пятисот переплетенных в кожу книг, обошедшуюся ей в 10 тысяч долларов. Она таскалась вместе с ним по пабам и барам и пила с ним ночь напролет. Она терпела его черную меланхолию, которую называла «валлийским настроением», и тряслась над ним, стригла ему волосы, выбирала одежду, читала сценарии. Она целиком и полностью посвятила себя его карьере.

«До того как я с ней познакомился, я был готов сниматься в любой картине, лишь бы мне за это платили, – вспоминал Бертон. – Элизабет открыла мне глаза – благодаря ей я понял, какой дребеденью я занимался до этого. Она заставила меня сняться в фильме «Бекет» – чего я сам ни за что бы не сделал, – и этот фильм стал поворотным пунктом в моей карьере. Кроме того, она уговорила меня сыграть Гамлета».

В 1964 году Лиз и Ричард поженились. Свадьба прошла в Торонто, в отеле Ritz-Carlton, тихо и скромно…

Несколько лет подряд Элизабет, находясь в зените славы, зарабатывала по миллиону долларов за каждый свой фильм. Бертон не намного уступал супруге, его гонорары варьировались от полумиллиона до 750-ти тысяч за картину. Когда-то неимоверно скупой и откладывающий каждую копейку, Ричард преобразился в сказочно щедрого мужа. Тейлор вспоминала:

> *– Он делал мне сногсшибательные подарки, и весь мир знал о них. А, кроме того, он дарил мне и другие вещи, просто так, без всякой видимой причины, причем просил меня не говорить о них прессе. И когда он делал мне эти подарки, то смотрел на меня как-то по-особенному, словно просил прощения за те прегрешения, о которых не хотел мне рассказывать.*

Однако Ричард, любивший выпить, делал это все безудержнее, а за ним за компанию спивалась и Лиз. В итоге жизнь пары превратилась в череду безобразных запоев, которые приводили к ссорам, потере контрактов и супружеским изменам. Биограф Китти Келли рассказывает:

> *«…Самые ожесточенные скандалы, как правило,*

вспыхивали из-за пьянства Бертона или его любовных романов. Самый кошмарный из них разразился тогда, когда Бертон, забыв имя жены, представил ее кому-то, назвав чужим именем.

«У меня просто отвратительная память на имена, – оправдывался он позднее. – Когда я сказал: «Это моя жена, эээ… Филлис», она затем не разговаривала со мной около месяца и все пыталась выяснить, кто такая эта Филлис»«.

К сожалению, жизнь пары превратилась в череду безобразных выходок, что шокировало общество…

Любовь к жене не мешала Бертону жутко завидовать Лиз в профессиональном плане. Однако образ жизни парочки привел к тому, что завидовать и меряться стало нечем: оба, и Элизабет, и Ричард, скатились в профессиональном отношении к самой низкой отметке. После очередного скандала, прожив десятилетие в беспокойном браке, Тейлор и Бертон развелись. Некоторое время спустя Рич наступает на горло собственной гордости и пишет бывшей жене проникновенное, наполненное любовью письмо:

«Все, что меня сейчас волнует, – счастлива ли ты, а

уж с кем ты – не так важно. Никогда не забывай свои достоинства, не забывай, что твой острый язычок скрывает замечательную и пуританскую леди. Не забывай, что ты, вероятно, величайшая актриса в мире. Я люблю тебя и всегда буду любить. Вернись».

В 1974 году Элизабет серьезно заболела и легла в клинику на операцию. В палату, где сидел очередной ухажер Лиз Генри Вайнберг, ворвался разъяренный Ричард, который устроил драку прямо у постели больной. Он требовал, чтобы Вайнберг немедленно убрался, так как в палате у больной могут находиться только близкие, включая его – «законного мужа». Элизабет ничуть не удивилась выходке бывшего, который, как ни в чем не бывало, весело спросил:

– Привет, Бочонок! Как твои болячки?

«Мое счастье, что я стала его женой. Хочу быть женой Ричарда Бартона… Хочу быть его тенью. Может, мои слова вам покажутся смешными, но с ним я могу жить в пустыне и в шалаше…»

Через месяц после выписки Элизабет Тейлор из клиники парочка вновь поженилась: тайное бракосочетание состоялось в Африке. Растроганный и радостный Бертон во всеуслышанье

обещал начать новую жизнь:

> *– Я едва не погубил самого себя. Я больше не хочу мучиться головными болями, судорогами и ужасным чувством похмелья. Никогда больше, никогда… Я не алкоголик, но я из тех пьющих людей, кому мало одного мартини перед ленчем. Вместо одной порции мне требуется тридцать два мартини, а потом за ленчем еще семь бутылок вина, а когда официант приносит мне «Реми Мартэн», я говорю: «Не уносите бутылку». Но теперь этому положен конец. Подобное больше никогда не повторится.*

Однако новый брак не решил застарелых проблем пары: Бертон продолжал безудержно пить, снова начались безобразные скандалы и измены. Повторный брак продержался всего 16 месяцев: в итоге которых Элизабет тихо, без лишнего шума в прессе, подала на развод. Она больше не верила обещаниям и слишком устала, ее здоровье оставляло желать лучшего, а значительных ролей и заманчивых гонораров больше никто не предлагал.

Во второй раз Элизабет вышла замуж за Бартона, однако новый брак не решил застарелых проблем…

Глава IX. Размеренная жизнь

Добропорядочность и скука

Странная вещь! Терпение приходит с годами. Чем меньше остается лет жизни, тем больше наша способность к терпению.

Элизабет Тейлор

Вы не дождетесь от меня заявления, что я уже не выйду замуж еще раз.

Элизабет Тейлор

После развода с Бертоном Элизабет отвечала на вопросы дотошной прессы. «Как вы относитесь к браку?», спросил один. На что она отвечала: «В первый брак девушка обычно вступает от помрачения рассудка. И только во второй – от настоящей любви». – «А что с третьим браком?» – «В третий – по страсти. А в четвертый – от опытности». – «А как же с пятым?» – «В пятый – с надеждой». – «А в шестой?» – допытывались дотошные журналисты. Лиз удивилась: «Минуточку, вы знаете женщину, которая вступила в брак шестой раз? Дайте мне ее адрес!».

В 1976 году Тейлор снялась в музыкальной сказке совместного советско-американского производства «Синяя птица», где сыграла роль Феи

Однако прошло всего четыре месяца, как Лиз снова обменивалась кольцами и клятвами. Ее избранником стал мужчина, являющийся полной противоположностью Ричарда: сенатор-республиканец, безукоризненный джентльмен, который видел лишь один фильм с участием Тейлор. Как умудрилась общительная и энергичная Лиз близко познакомиться с чопорным сенатором и завязать романтические отношения? Китти Келли рассказывает:

> «8 *июля 1976 года Элизабет снова вернулась в Вашингтон – на обед в британском посольстве, устроенный королевой Элизабет в честь президента Соединенных Штатов по случаю двухсотлетия США. Не имея рядом с собой мужа или любовника, Элизабет в качестве сопровождающего в этот вечер выбрала своего голливудского парикмахера.*
>
> *Однако посол Рэмсботам объяснил ей, что для такого в высшей степени официального мероприятия это было бы просто неприлично.*
>
> *Посол предложил подыскать для нее более пристойного кавалера и в результате вышел на сорокадевятилетнего Джона Уорнера, бывшего секретаря по делам флота, который буквально накануне сложил с себя обязанности председателя комитета по празднованию двухсотлетия американской революции.*
>
> *«Присосись к ней, словно пиявка, – посоветовал ему посол. – Она мастерица выкидывать всевозможные фортели. Главное – не позволяй ей отбиться от рук, потому что я не хочу, чтобы кто-то отвлекал на себя внимание от королевы или президента».*
>
> *В тот вечер Уорнер прибыл в отель «Мэдисон» на встречу со своей новой дамой. Он позвонил Элизабет в номер, и та быстро отправила Чен Сэм вниз в вестибюль, чтобы та затем доложила ей, каков собой ее новоиспеченный кавалер.*
>
> *«Эй, а он вовсе не так уж и плох, – докладывала ей секретарша. – Очень даже ничего».*
>
> *«И тогда я спустилась вниз, – вспоминала Элизабет. – Он стоял ко мне спиной, и единственное, что мне было видно – это превосходные седые волосы. Я сразу поняла, что это и есть мой спутник, поскольку он был единственным мужчиной во фраке во всем вестибюле. Он обернулся: «А, мисс Тейлор!» У меня даже дух*

перехватило».

Красивый суровой и мужественной красотой, Джон Уорнер наверняка производил внушительное впечатление во фраке и при белом галстуке.

«Я всего лишь старый сельский фермер», – пошутил Уорнер, пока они ехали к его великолепным владениям среди ухоженных полей Миддлбурга, находящимся примерно в часе езды от его вашингтонского дома. Длинная извилистая дорожка, мощеная камнем, вдоль которой выстроились цветущие фруктовые деревья, вела к каменному особняку из двадцати комнат, построенному в 1816 году.

Уорнер с гордостью продемонстрировал гостье свой винный погреб и отделанную португальской плиткой кухню, снабженную шестиконфорочной плитой. Затем указал на свои шесть сотен херефордширских коров, добавив: «Когда цены на скот поднимаются, я готов плясать». После этого он показал Элизабет своих лошадей, загоны для скота, крытый бассейн, теннисные корты, коптильню, сад и огород, несколько прудов, а также небольшой заповедник размером в пятьсот акров.

«Когда она увидела мою ферму, ее сердце уже принадлежало мне», – заявил он позднее».

Прошло всего четыре месяца после развода, и вот Тейлор вновь идет под венец с сенатором Вирджинии Джоном Уорнером

Очарованная пасторальными видами аккуратной фермы и ее окрестностей, Лиз вдруг представила себя, живущую в этих декорациях, в роли хозяйки. Спокойная, размеренная жизнь, вечера, наполненные птичьими трелями, возвращение к старому доброму занятию, которое доставляло ей столько удовольствия – к верховой езде… Лиз не на шуту размечталась и благосклонно приняла предложение – переночевать на ферме Джона…

Историческая встреча с Елизаветой II

Позже она вспоминала:

> *– Мы оба одновременно пришли к одному и тому же выводу, даже не сказав ни единого слова. Мы отправились на пикник, а затем поехали на джипе в горы, чтобы полюбоваться закатом. Вокруг нас бушевала гроза, и мы сидели с ним посреди грома и молний. Казалось, будто мы угодили в самое сердце стихии. Гроза окружала нас со всех сторон, и, наконец, небеса разверзлись, и на землю обрушился ливень. Мы просто легли на траву, обняли друг друга, промокшие до нитки, но объятые любовью. Это было сродни колдовству.*

4 декабря 1976 года тихо и скромно Лиз вышла замуж в седьмой раз. К этому времени от ее былой ослепительной красоты осталось не так уж много, Тейлор раздобрела, а ее стрижка прибавляла к ее 45-годам еще как минимум парочку. Однако все это уже мало заботило Элизабет, которая слишком долго была в зените красоты, объектом вожделения миллионов. Она философски рассуждала:

> *– Я во всей своей полноте прожила каждую секунду моих сорока пяти лет. Я никогда не скрывала своего возраста. Я горда прожитой жизнью. Мне нечего скрывать. И я счастлива. Я всем удовлетворена и не собираюсь морить себя голодом, потому что моя полнота мне не мешает. Главное для Джона – иметь рядом с собой счастливую женщину, а не фотомодель.*

С поп-легендой Майклом Джексоном

Чопорный, немногословный и слегка занудный Джон Уорнер подарил своей звездной жене несколько лет жизни добропорядочной домохозяйки, скучающей на дипломатических приемах. Ни одна фотография с церемонии бракосочетания странной пары не просочилась в газеты, для Америки стало неожиданностью, что заходящая звезда вдруг в одночасье превратилась в жену политика. Об этом своем странном браке Лиз рассказывала накануне развода с сенатором Уорнером:

– Быть женой сенатора – нелегкое дело. Это так тоскливо. Я никому бы не пожелала подобной участи. И я действительно любила его.

Мне хотелось стать самой лучшей женой в мире, какой еще ни у кого не было. Я мечтала разделить с ним жизнь до последнего вздоха.

Я появлялась на всех чаепитиях, я внимательно выслушивала все речи.

Я прекрасно понимала, что поначалу другие женщины относились ко мне настороженно, подозревая меня в… неискренности. Но затем им стало ясно, что я отдаю этому делу всю себя, и они постепенно приняли меня в свой круг.

Мне хотелось помочь моему мужу. Я была готова делать для него буквально все: облизывать почтовые марки, печатать ему речи, быть у него на побегушках. Но вскоре я ощутила неудовлетворенность. Мне не оставалось ничего другого, как сидеть в четырех стенах и таращиться в телевизор.

Моя жизнь утратила смысл, превратившись в бесцельное существование.

Прошу вас, поймите меня правильно. Джон был и остается достойным уважения сенатором. Но смысл его жизни заключается исключительно в его работе. Работа заменяет ему жену, любовницу и семью. Для всего остального там просто не находится места.

Ларри Фортенски – последний муж Элизабет Тейлор, который был моложе ее на 20 лет

В 1981 году состоялся развод, такой-же незаметный для окружающих, как и бракосочетание 1976-го. И лишь Ричард Бертон не упустил случая позлорадствовать на публику, откровенничая с журналистами о своей бывшей жене и ее седьмом муже:

– Этот брак был обречен с самого начала. Я встречался с Уорнером, и первое, что бросилось мне в

глаза – что он ниже меня ростом. Он всего лишь напыщенный недоросток, вот кто он такой! Хотя, собственно говоря, ему нечего строить из себя такую важную птицу! Помнится, он тогда отвел меня в сторонку и заявил: «Ну вот, теперь я заполучил твою Лйз. Признайся, что совершил глупость, когда отпустил ее от себя!» Что за потрясающее заблуждение! И как у него хватило ума ляпнуть такое! Я тогда без обиняков заявил Элизабет, что долго она с этим парнем не проживет. И оказался прав. Элизабет мечтает вернуться ко мне. Она просто умоляет меня, чтобы я на ней женился, но я больше не хочу играть с ней в эти игры. Мы и без того до конца наших дней связаны друг с другом – она моя бывшая жена, мать наших детей, живая легенда. Она – эротическая легенда, черноволосый карлик с огромным животом и таким же бюстом. Я обожаю ее. Она просто прелесть, прекрасная, трогательная легенда, а также еще и отъявленная стерва.

Последний брак

После развода с Джоном Элизабет впала в глубокую депрессию, переживая не только крах своего очередного брака, но и жизни: казалось, впереди больше не будет ничего значительного, волнующего, интересного. Она почти перестала есть, много плакала и часто вызывала врача, уверяя окружающих, что стоит одной ногой в могиле. Однако медицинские обследования не выявляли каких-либо болезней у стареющей дивы, разве что порядком расшатанные нервы.

«Чтобы стать легендой, нужно сначала умереть…»

Успокоившись немного, она с головой ушла в благотворительность и работу, на этот раз в театральные проекты, принимаемые публикой с переменным успехом. Время от времени ее бросает в объятья бывшего мужа Ричарда Бертона или закручивает в небольшие, несерьезные водовороты мимолетных романов. Сама она говорит в одном из интервью, резюмируя прожитые годы:

> *– Всю жизнь мне везло. Я получила в подарок все: красоту, славу, богатство, почести, любовь. Но за свое счастье я расплачивалась катастрофами. Ужасными болезнями, разрушительными привычками.*

В 1984 году от инсульта умирает Бертон, измученный многолетними болезнями, алкоголизмом (в последние годы Рич выпивал по три бутылки водки в день!) и курением, к которому актер пристрастился чуть ли не с пеленок. Бездыханное тело находят в швейцарском доме Бертона, актера хоронят в традиционном валлийском красном костюме, с томом валлийской поэзии в руках. Лиз очень тяжело переживает утрату, отойдя в тень на несколько лет: она много пьет, постоянно лечится и говорит только о своих напастях, постепенно переставая интересоваться происходящим вокруг нее.

Осенью 1991 года Элизабет ложится в спецклинику Центра имени Бетти Форд: чтобы пройти курс лечения от алкоголизма. К этому моменту она уже лежала в больницах более четырех десятков раз и в некоторой степени сроднилась с больничной реальностью, заменив ею все остальные свои жизненные пространства – студию, сцену, роскошные особняки, ей некогда принадлежащие…

Атмосфера спецклиники очень благотворно на нее подействовала: общительные, в большинстве своем молодые пациенты проводили время очень весело, Лиз с удовольствием примкнула к этой позитивной толпе в которой и познакомилась с сороколетним Ларри Фортенски, водителем-дальнобойщиком. Лиз совершенно не смутило, что ее новый избранник – простой работяга, который моложе ее на целых двадцать лет. Сам Ларри позже рассказывал журналистам:

> *– Несмотря на наши возрастные и социальные различия, нас влекло друг к другу. Помню, во время зимней поездки в Швейцарию она, накинув на ночную рубашку шубу, выбежала на улицу и упала в снег. Я*

сфотографировал ее, хохочущую в снегу. Это моя самая любимая карточка – она стоит у меня на столе.

Выписавшись из клиники, Элизабет Тейлор, к ужасу своих друзей, коллег и родственников, выходит замуж за 39-летнего Ларри. Да еще как выходит – умопомрачительная свадьба на ранчо Майкла Джексона собирает кучу именитых гостей, а сама 60-летняя невеста снова надевает белое подвенечное платье от Валентино…

Этот брак продлился пять лет, в течении которых Лиз была вынуждена признать: ее молодой красавчик-муж оказался ужасным занудой. В 1996 году Ларри (которого порядком утомили реальные и вымышленные болезни жены) попросту сбежал, когда Лиз в очередной раз лежала в клинике (на этот раз с более чем серьезным диагнозом – переломом шейки бедра!). А потом еще и отсудил у жены миллион долларов. Однако Элизабет не прекращала общаться с последним бывшим: они регулярно созванивались, болтали и поддерживали друг друга в трудные жизненные минуты. После смерти Лиз Фортенски получил письмо от адвокатов актрисы, в котором сообщалось, что Тейлор завещала ему 500 тысяч фунтов. На эти деньги он купил себе новый дом.

Вспоминая свои многочисленные браки, пожилая Элизабет Тейлор говорила, смеясь:

– Вкусы формируются постепенно. Мне случалось выходить замуж за мужчин, которых нынче я бы не пригласила к себе даже на обед.

Кого именно Лиз имела в виду, она не уточняла.